

**Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
Экономический факультет
Лаборатория философии хозяйства**

Ю.М. Осипов

ИНОЙ,

или

Судьба гуманитария в России

(XX—XXI) □

Москва

2023

Пред-вестие

Каждый человек в чем-то непременно *иной* — особенный, отличный от другого, как и каждый человек, обладая сознанием, разумом, когнитивом, интуитивом, бессознанием, безумством, бесовством, непременно в том или ином конкретном исполнении *гуманитарий* — как источник гуманитарности («человечности»), ее реализатор, восприятель и отразитель, так и посильный толкователь и, конечно же, не самый церемонный, но уж непременно судия. Так что человеки все бытуют в единении инойного и гуманитарного, отчего они все относительно друг друга — *иные гуманитарии*, что ни хорошо и ни плохо, а что попросту так есть!

Однако человеки хоть относительно друг друга и *иные*, еще при этом и *инаково* гуманитарные, то одно дело быть по-обыденному иными, совсем другое — общественно-функционально, а уж совсем другое, как повелось в оцивилизованном мире — специализированно, или профессионально, ибо есть среди людей и те, которые только и делают, что занимаются гуманитарными делами как таковыми, а есть еще и те, кто специализированно-профессионально размышляют по поводу уже самой гуманитарности, царящей в людях, среди них, в обществе, мало того, выделяя гуманитарность и по ее поводу коллективное размышление в особую ментально обусловленную сферу — *гуманитарную сферу*: научную, философскую, богословскую, вообще любую словесную.

И ежели здесь речь заходит о гуманитарии, то, как не трудно догадаться, о собственно *гуманитарном гуманитарии*, а ежели уж об *ином гуманитарии*, то— чего, заметим, просто так сходу и не уловить — об уже явно *инаковом ином*, в общем, *инаковом ином гуманитарном гуманитарии*, а что это за зверь или же птица, то это еще пояснять и пояснять надо, вовсе и не рассчитывая на согласное восприятие со стороны массы вполне себе самодостаточных иных гуманитарных гуманитариев.

Сходу можно подумать, что речь идет всего лишь об инакомыслящих гуманитарных гуманитариях, которыми ныне хоть пруд пруди — каждый из таких персон так или иначе, в той или иной мере, по тому или иному поводу или признаку, конечно же, инакомыслящ, однако тут вовсе не об этой гуманитарной инаковости идет речь, а о той, которая не так отличие, как... э-э... *звание*, которое еще заслужить надо, однако не выказыванием чего-то попросту иного из гуманитарного, пусть и вполне оригинального, не бывшего

ранее, а ментально-интуитивным вхождением не куда-нибудь, а в мирозданческое *Иное*, и с ним деловито-познавательное-провиденчески оперированием, и сие Иное само по себе вовсе не такое уж и гуманитарное, еще и полное для человека *неизвестности* и щедро наделяющее человека *незнанием*, однако сопряженное с человеческим миром, в нем потаенно присутствующее, на него в его качестве, состоянии и динамике влияющее, незаметно проникая в человека через неизбежные и даже необходимые бреши бессознания в сознании и дыры безумия в разуме, формируют сознание и разум человека, управляют поведением, решениями и действиями человека, не лишая при этом его ни бессознания, ни безумия.

Это-то вхождение в *Иной мир*, может, и поначалу званых, но лишь в итоге исключительно избранных и делают отдельных единиц из массы гуманитариев именно *иными гуманитариями*, а точнее, *гуманитарными Иными*, однако не оккультно делает, не колдовски, не трансово, не шамански, но при этом и не по-научному, не по-философски и даже не по-богословски, а, пусть это не покажется банальным, всего лишь... *метафизически размыслительно* (с включением в ход размышления *подсознания*, *сверхсознания* и даже *бессознания*), но непременно *метадогматически*, то бишь свободно, открыто, в прямом контакте с реальностью и с доступным человеческому воображению (не фантазии вовсе) проникновением в реальность, а ежели сказать одним словом, то... *софийно* — СОФИЙНО!

В центре внимания в нижеследующем писании, таким образом, не какой-нибудь вообще гуманитарий, а мало что гуманитарный гуманитарий, так еще и *иной гуманитарный гуманитарий*, мало того — *гуманитарный Иной*, что означает не просто особенный, а особенный *по-иному* — вступивший в творческий контакт с сакрально-субстанциальным *Иным*, как и со стоящим за этим *Иным* его беспощадно ведущим вперед *Великим Неизвестным*, а также обогащаемый, как и придирчиво при этом инспектируемый вплоть до заслуживаемых гуманитарием кар, самой *Софией Премудростью Божией*, то бишь в центре внимания тут не не какой-нибудь, пусть и ментально выдающийся, а все-таки *софийный гуманитарий*, нет, не попавшийся вовсе в сети Софии, наоборот, ею освобожденный от каких-либо задогматизированных пут ради познания, открытий и откровений, кроме, конечно, знания *Незнания* — НЕЗНАНИЯ!, восходящего к *Началу* — НАЧАЛУ! и *Истоку* — ИСТОКУ!, чего человеку знать как именно ЗНАТЬ!, вовсе и не полагается.

Максимум, что может дать София размышляющему софийно гуманитарно — возможность оперирования в ходе его размышлений, включая и их бессознательно-интуитивную, а то и, знаете ли, моментами прямо-таки и безумную, составляющую, так это возможность оперирования с *незнанием* и стоящими за ним ИНЫМ, НЕИЗВЕСТНЫМ, НЕБЫТИЕМ, ВЕЧНОСТЬЮ, хотя и ВРЕМЕНЕМ тоже, да и попросту ТАЙНОЙ.

Обыватель скорее, чем тот же научник-исследователь, а то и философ, почувствует наличие в бытии не просто чего-то иного, а и какого-то и в самом деле Иного, его так и не называя, и обратится через Церковь к Богу, на худой конец, к той же гадалке или к тому же шаману, зато научник, пусть и философствующий, непременно отвергнет невидимое и нематериальное *Иное*, признавая лишь видимое и материальное *Это*, то бишь признавая *Физис* и *Физику* и не признавая *Метафизис* и *Метафизику*, хоть на деле в реальности он всегда оказывается не кем-нибудь, а... *метафизиком*, невольно выходя за пределы физиса и физики как таковых и вынужденно приспособивая добываемое им по сути-то метафизическое знание к науке-физике, не понимая, кстати, и того простого факта, что вся его наука-физика и является не чем иным, как мифологизированной под науку-физику метафизикой, а уж научная философия — тем более!

Софийный же гуманитарий — чистый метафизик, или метафизик как метафизик, однако способный идти по краю между ЗНАЕМЫМ и НЕЗНАЕМЫМ, отдавая себе отчет в наличии факта *незнания известного*, как и в наличии факта знания о наличии в мироздании *неизвестного как неизвестного*, как и его судьбоносной роли в бытии человека, а идя по краю между *всегда относительно известным* и *всегда абсолютно неизвестным*, видеть своим тайнозрением, как и трансмысленно осознавать (незнамо как, само собой) и не слишком внятно для других трактовать почему-то и зачем-то им (не)увиденное и (не)осмысленное, хоть и как-то *для себя* трансцендентно-бессознательно таки осознанное.

Да, гуманитарий, о котором речь, никто иной, как... *мудрец*, разумеется, среди людей непременно и *отшельник*, вовсе ныне, конечно же, не прячущийся в пещере, не сидящий в бочке на берегу теплого моря, не скрывающийся от людей в дремучей лесной чаще, даже в монастыре не пребывающий, а бытующий кое-как не где-нибудь, а в... *университете*, где только и сохраняется, даже как-то и культивируется, пусть ныне и остаточно, и предвзято, и не многосторонне, кое-какая гуманитарная мысль, где есть еще

она — *гуманитарность*, хотя более всего ныне не как гуманитарность, а как *гуманитарщина!*, да-да, в университете, где еще водятся адепты, знатоки, хранители гуманитарности-гуманитарщины, даже и кое-чего значимого в гуманитарной сфере творцы, пусть и более всего посредством переработки отлеживающейся в недрах молчаливых библиотек обильной «словесной гуманитарной руды», но зато из залежавшихся массивов чего-то нужного, содержательного, ценного, о чем-то важном и исключительном говорящего.

А мудрец, прошедший через рудознатскую гуманитарную страду, тоже, как водится, кое-что выдавший из значимого на гуманитарные гора, на то и мудрец, чтобы, выйдя в Иной мир, при этом не покидая насовсем мира Этого, творить уже *свой* гуманитарный мир, как раз *иной*, не уходящий в сторону от мира Этого, а его лишь преодолевающий, что дает возможность мудрецу мало что мир Этот увидеть *иным*, так ведь еще и дополнить гуманитарность Этого мира *иной* гуманитарностью — *инойностной*, за что мудрецу-отшельнику обычно положено не вдохновляющее почтение от бытующих вокруг гуманитариев, а скорее... нет, даже не публичный от них протест... а более всего молчаливо-убийственное незамечание... как будто бы его — мудреца, и нет, хоть он и среди всех, на виду, да вот... *нет* его и все, да не как какого-то там наивного правдолюбца, а как всего лишь... э-э... *ненаивного нелжеца*, в чем главная вина его и состоит, а что касается экзистенциального суда над ним, то человеческим такой суд просто быть не может, а ежели какой-то суд есть, то разве лишь от самого Иного с Великим Неизвестным да от Софии с Господом Богом впридачу, — вот как оно выходит!

Вестие

Россия

В смысловом отношении Россия, она же Рось, Русь, Московия, Русское царство, как и ранее Гиперборея (гр.), Рутения (лат.), ну и затем Российская империя, СССР, а теперь вот Российская Федерация, не что иное, как «X» (икс), или Сфинкс, великое неизвестное, неразрешимая тайна, а ежели как-то Россию определять, то лишь как нечто... *иное*, которое явно есть, но вроде бы его и *нет*, которого будто бы нет, а оно, подишь ты, *есть*, а что же есть и чего же нет-то?, — да как раз *этого* — *сеюмирного*, и хоть что-то в обыденной практике есть, да вот как-то не в четкой смысловой выраженности, отчего и вопрос: а что же тогда все-таки есть? — да оно-то и есть, как раз то самое — *иное*, то бишь

иномирное, правда, так оно есть, что его как бы и нет, хотя оно... как бы... и есть!

Загадка!

Да, Россия — *тайна*, и ничего тут в смысло-разгадочном плане нет, кроме самого по себе, вполне себе и магического, слова «*Россия*», да и оно само по себе ведь тоже тайна, отчего самое лучшее для любого ответственного гуманитария остается лишь признать, опустив свои умные очи долу, что Россия... это всего лишь Россия и все, или же, подняв удивленные очи горе, что Россия как раз и есть само Иное, точнее, не само Иное как таковое, а всего лишь от и из Иного она, что несет она в себе и из себя же излучает опять же Иное, но в том и другом разе гуманитария вовсе от этого не предстоит покоя, а совсем даже наоборот — предстоит ему думать и думать о России, да не просто учитывая ее исходную загадочную инойность, а и входя по мере возможного, как и непременно допустимого, в *иноэгрегор России*, в ее уже собственные о себе думы, не рассчитывая при этом не то что на полную, но даже и на частичную их разгадку.

Вдумайся, российский гуманитарий, в то, не зная во что, восприми то, не зная что, овладей тем, не зная чем, но это еще не все: *не зная об этом ничего, знай оттого о нем все!*

Вот она — судьба гуманитария в России: быть, но при этом и не быть, а уж коли и в самом деле быть, то лишь *вопреки* — текущей России, бытующему гуманитарству и даже самому себе!

Тут все очень не просто: сначала надо познать все знаемое (в достаточной мере, разумеется, когда ясно вдруг становится, что ежели еще что и далее познавать, то либо уже ранее известное, но позабытое или умолченное, либо что-то ничего нового уже попросту не говорящее, либо явно уже гуманитария не нужное), что и значит тогда стать полноценным в расхожем понимании гуманитарием, конечно же, не миновав и университет, хоть это и не строго обязательно, однако о-очень желательно — повариться там, надышаться, наговориться, в меру и разочароваться. Не пройти классическому гуманитария и мимо настойчиво необходимого самообразования: в университете, вне университета, по-университетски (в общении) и по-своему тоже (наедине с собой). Знать надо гуманитария о-очень многое, весь, знаете ли, знаемый мир, и уж коли университет с его наукой, литературой, чтением, освоением основ, то, конечно же, надобно знать весь культурный и давно ставший в России культовым *европеизм*, включая иной раз и его русскую составляющую, однако

пока с вынужденным преобладанием масонского по духу и концептам неугомонного, а ныне и постмодернового, европеизма, что означает стать сначала и сходу ментально-культурным *европейцем*, а затем, от чего хоть и можно, но вовсе не нужно ускользнуть, стать *русским европейцем*, если не *европейским русским*, носителем *русско-европейского*, а точнее, *европоруССкого*, разностороннего *гуманитаризма*.

Нравится это тому или иному отечественному гуманитарии или нет, но сей вдохновенно-отравной чаши сего познания ему никак не избежать. Да, можно гуманитарному соотечественнику погрузиться в восточные, арабские или же исламские премудрости и найти там для себя много чего замечательного, но, окунаясь в гуманитарную Россию, нельзя не стать, хочет того или не хочет отечественный гуманитарий, именно *русско-европейским*, а по преимуществу все-таки *евро-русским*, гуманитарием, ибо Россия — *европейская страна* — и не только и не столько географически, сколько духовно, ментально и культурно, — хотя она, безусловно, от *россо-европейской* и даже *россо-евразийской* стороны.

Нет, Россия — не россо-евро-азиатский конгломерат, а вполне себе россо-евро-азиатская органика, да и то более всего в явленной гуманитарной поверхности, в известной россиянам знаемости, а вот в сокрытой сути своей Россия, будучи в Этом мире живым воплощением Иного, конечно же, более всего *сама-себе-страна*, да и не страна вовсе, а в страновом облике некий *инофеномен*, но и это не все — феномен еще и бездний, преисподний, адовский, однако при этом и небесный, хоть и не райский вовсе, отчего и сам для себя таинственно *сингулярный*, вовсе при этом не так, как Европа или Азия, не заведомо концептуально-парадигмально бесспорный и накрепко задогматизированный, как и намертво загнипнотизированный, а, несмотря на периодически наступающую статичность и даже анемичность, неукротимо подвижный, переменчивый, неустойчивый, даже и *импровизационный*, а ежели в чем-то в долгую стойкий и упорный, то лишь в своей скрытой сути — как раз *иносути*, никому из смертных ни в досталь, ни впрямь, ни впрок и не известной.

Российская гуманитарщина

Продравшись в обязательном порядке через знаемое, им напитавшись, насладившись и немало отравившись, уважающий себя русский (российский) гуманитарий имеет шанс, преодолев, но не отбросив напрочь знаемое, выйти в сферу *незнаемого*, сначала, как водится, с ним пободаться от имени знаемого, а потом, убедившись, что незнаемое на то и *незнаемое* — НЕЗНАЕМОЕ!, чтобы

не поддаваться натиску новоиспеченного, как и уже успевшего себя вдоволь творчески проявить в познанной сфере, знатока, а ежели хватит у подступившего к сему сокращальному *незнанию* знатока исходной сообразительности, сдержанности и даже скромности, то и вступить с этим незнанием в необыкновенный творческий контакт.

Тут уж знатоку должно достать немалого мужества, храбрости и стойкости, чтобы не сотчаться вдруг да не сойти заблаговременно с ума — как раз от вдруг незнамо как им воспринятого, а ежели и незримо увиденного, то, увы, прямо в себе, в других, в человеке вообще, человечестве вообще, в мире вообще, а вследствие этого вдруг осознать, что все вокруг *иное*, а все им освоенное знаемое — не более чем *миф*, правда, немало и работающий миф, прямо за *иную реальность* работающий, ее собою прикрывая, как и за нее, неродимую, себя походя и часто весьма неуклюже выдавая.

Тут в общем-то случается у гуманитария *шок* — ШОК!, кого из гуманитариев отпугивающий, кого надламывающий, кого разящий, а кого и закаляющий, даже и благословляющий, а поскольку последнее дается немногим избранным — *единицам*, то в обширной и невозмутимой гуманитарной сфере все бывает, словно в чарующем граде Багдаде, вполне и спокойненько, во всяком случае, напогляд, кроме разве того гнусного обстоятельства, что она — гуманитарная сфера — вдруг как-то ныне убедительно усыхает, истончается и вдохновенно испаряется, подменяясь, конечно же, вполне себе удобоваримым *симулякром*, весьма привлекательным и даже достойно развлекательным, что безликую, безразличную и безмятежную массу псевдогуманитариев вполне ныне и устраивает.

И как нынешним гуманитариям оттого весьма комфортно, так и властям — богатств и развесистой правдоподобной клюквы — предержавшим тоже весьма комфортно, да что тоже — в особенности!

Так вот и бытует ныне в России (РФ) гуманитарная сфера, непонарошку сдавшись, почти что уже и окончательно, победившему *сатанизму*, его даже и зычно оправдывая, а главное — заткнув себе понадежнее, вполне и добровольно, и так немотный на правду рот, отважно открывая его лишь в угоду постмодерновой пустоте.

Ну да ладно, что с нее взять — с расхожей гуманитарщины, разве лишь поддержать ее сдержанное историографическое обращение к кое-какой классике, бесподобно, хоть и безрезультатно, отвергаемой постмодернизмом: пустотой ведь и ежа не покрыть, не то что классику, даже и пытаюсь выдать за

классику по факту-то всего лишь из проходящего со скрежетом зубовным безвременья его постмодерновых столпов, аккурат и ниспровергателей всего человеческого, то бишь как раз и собственно всего *гуманитарного* — ГУМАНИТАРНОГО!

А тут, понимаешь ли, *иное* — ИНОЕ! — которое вовсе и не как таковое гуманитарное, хоть и не антигуманитарное, оно, видишь ли, не то и не другое, а, подишь ты... и-н-о-е, аккурат так же, как и Р-о-с-с-и-я, отчего гуманитарий в России, хоть вроде бы и гуманитарий, однако не совсем уж гуманитарий, а то и вовсе не гуманитарий, тогда кто же он, кроме того, что... и-н-о-й? — то бишь не про-, не пост-, даже и не не-... а-а, кажется ясно, хоть ничего и не ясно... он всего лишь... э-э... ИНОЙ!

Вот и оно — искристое замыкание фатальной цепи: судьба гуманитария в России не что иное, как, будучи гуманитарием, не быть им, а уж ежели быть им — куда деваться! — то лишь неким выходящим за пределы расхожей гуманитарности... нет, не *иноком*, а, скажем так, взяв от гуманитария частичку «арий»... *ино-арием* — ИНОАРИЕМ!, что означает статься вольно или невольно адептом, агентом и даже трактовшиком (не путать с трактирщиком!) *Иного* как *Иного*, как раз чего-то такого, о чем ни сказать ничего вразумительного, ни уж, тем более, что-нибудь этакое написать, хотя, заметим сие с большевистской прямоотой, о *чем* все-таки российская гуманитарность упорно и толкует, вовсе или же почти вовсе того и не сознавая.

Толкует, может, и иное, да вот не об Ином как Ином, а просто об *ином* относительно всего *этого* — вот оно какое дело! — тогда о каком же *ином*? — да все о том же, чего вокруг нет или очень уж мало иной раз есть, чего хотелось бы, о чем лишь приходится мечтать, да и что просто приходится выдумывать, уходя в необусловленное письмотворчество, в худлитературу, мифы, фэнтези, сказки, в сатиру и юмор, в пустоту, — а ведь иного выхода-то для заядлого гуманитарщика и нет!

Выход, он же и вход, в Иное

Нет, не во что-то запредельное, хотя Иное менее всего Здесь и более всего Там — в Запределье, а в то Иное, которое как раз Здесь, в Этом мире, среди нас, в нас, выше нас, но и ниже нас тоже, но дело тут не в том, что оно везде — в мироздании, в сознании с его бессознанием, в разуме с его безумием, в спиритосфере с ноосферой, в физисе и метафизисе, ну и, соответственно, во всей гуманитарщине, пусть для 99,99% массы гуманитарщиков совсем и неосознанно, а вот то, что все наше — людское де бытие — *совсем не такое*,

каким представляется, в особенности, в городах-мегаполисах, и людишки-то *совсем не такие*, какими представляются — сами для себя и гуманитариям заодно, и что какой-нибудь *антимир* не где-то там — то ли в космосе, то ли... кто его знает где, а Здесь, в Этом мире, да так здесь, что и мир-то наш более всего *антимиром* и является, ну и гуманитарщина не то что *вовсе не такая*, какой видится, а совсем, знаете ли, другая, да ладно бы ложная, а то ведь попросту она... *никакая не гуманитарщина*, а лишь пустая ее видимость, то бишь *видимщина*, да не так от русского видеть, как от латинского *VIDE*, что означает пустой, отчего даже не видимщина она, а самая что ни на есть *пустовщина!*

Во как!

Разумеется, без гуманитарщины никуда, отчего ниспровергать ее и топить в полной пустоте не будем — не наша это задача!

У нас куда более скромная цель: приоткрыть гуманитарный занавес и показать толику реального *закулисья* — ЗАКУЛИСЬЯ! — всего лишь толику — на большее мы, пардон, и не осмелимся, точнее, не должны осмеливаться — что ради себя, что ради людей, что ради Бога с его Софией тоже!

А что же там — в Закулисье?

Не открываем большого секрета, что там... нет, *не наоборот* — не **НАОБОРОТ!**, там, знаете ли... нет, *вовсе и не навыворот* — не **НАВЫВОРОТ!**, *вовсе нет...* там, увы, как здесь, как у нас, даже и как на авансцене, только... э-э... только там все-таки *не это*, а... как раз *иное*, о котором нечего сказать, кроме того, что оно *иное* да, пожалуй еще, что... *никакое*, только вот кого из поднаторевших в мифологии гуманитариев *это* может устроить? — ясно, что *никого!*

Никакой по сути не гуманитарий, а хочет чего-то *этакого*, чего ему просто недоступно — ни понятий нет, ни языка, ни словаря!

Что же там — в Закулисье?

Нет, не только *игра*, не только *симулякры*, не только *фикции*, не только *фальшизм*, чего и здесь хватает вполне и с избытком, там что-то *такое*, чего не выразить словами, что не роднится с языком, что не солидарно с понятиями, в общем — **НИЧТО, НЕИЗВЕСТНОСТЬ, НЕЗНАНИЕ**, даже не Небытие, не Нежизнь, не Неэкзистенция, а именно, не устаем повторять, *Иное* — **ИНОЕ!** — что не известно, не обозначается, не формулируемо, но что здесь, среди нас, в нас, в бытии, в жизни, в экзистенции!

Что поделаться, мы — человеки — в смысловой *Неполноте* — НЕПОЛНОТЕ! — факт! — да такой факт, что дрожь по телу, мороз по коже да глаза на лбу!

Мы ничего достоверного о мире, жизни, себе, Боге не знаем и знать не должны́, а вот быть-небыть должны, причем вполне гуманитарно, то бишь *мифотварно*, — и никак иначе!

Иное на то и *Иное* — ИНОЕ! — чтобы нам — человекам — ничего о нем не знать, кроме того, что оно есть как есть и есть как *Иное*, и что главное тут не в том, чтобы знать, что же есть оно в своих гуманитарных реалиях, то бишь мифотварных, при познавательном-де приступе к нему, при воровском на него набеге, при его хирургическом вскрытии... нет, нет, вовсе не чтобы знать, а чтобы всего лишь... э-э... *признать* — ПРИЗНАТЬ! — как неведомое, незнаемое, неизвестное, но при этом *естественное, бытьственное, существенное*, да мало что такое вот, так еще и все, ну пусть почти все, а вообще-то, *всейное* или... нет, не определяющее (это уж слишком!), а всего лишь... не оставляющее без своего... э-эх... все-таки весьма определяющего кое-чего из многого и важного в наших реалиях, трансцендентного влияния, вполне вроде бы и незаметно-нейтрального.

Да-а, многое что из реального известно человеку, и немало в чем он по жизни уверен, да вот не все и не во всем, а именно — не знает он главное и в главном он не уверен, — тут уж, пардон, Неизвестность и, будь оно не ладно, Иное,... впрочем, почему же не ладно, как раз вполне наоборот, ибо если бы не эти два — Неизвестное и Иное — то ничего бы *такого*, включая и все *гуманитарное* — ГУМАНИТАРНОЕ, — *не было бы!*

Наличие-безналичие Неизвестного и Иного — залог наличия, как и в некотором ракурсе безналичия, *всего* известно-неизвестного сущего — не более и не менее!

СССР

Возьмем тот же великий СССР — этот оксюморонный (Не)Союз (Не)Советских (Не)Социалистических (Не)Республик. С-С-С-Р и он же Не-Не-Не-Не! Тогда что же? Многое об СССР известно, а вот *что* же это в целом, на самом деле и по существу было, увы, не особенно-то ясно, точнее — совсем и не ясно. Да, слова всякие, определения, заклинания об СССР и по его поводу хорошо известны, а вот о чем же они реальном, кроме самих этих словоизъявлений, никто толком и не знает, — и что интересно, никто и не пытался себе это уяснить: ни тогда, еще во времена СССР, ни сейчас, уже в

пост-СССР-эпоху. Как был СССР непонятным *шифро-мифом*, витавшим над какой-то *иной* — *не СССР-овской!* — реальностью, так и витает по гуманитарной сфере до сих пор неким неопознанным летающим объектом (и субъектом тоже).

Всего проще обозначить реальность, бывшую при СССР в СССР, как (не)народный, (не)партийный, (не)номенклатурный, (не)вождистский *этатизм*, где «не» играет роль присутствующего в явлении неполного самоотрицания: вроде *этим* было *оно*, а вроде и не этим, да и *не оно*, может, а что-то совсем другое было, но непременно с полаганием чего-то *этого* и его же — *этого* — отрицания, то бишь что-то *(не) это* и ... *(не) было*.

Замысловатая тут диалектика, да не так от вольного методологизма большого диалектикой дознавателя, как от неприступного диалектизма самой загадочной объектно-субъектной реальности, в данном случае СССР-овской. Делали, творили, рубили с плеча, именовали, переименовывали, обзывали, обзывались, судили, казнили, награждали, славили, изумлялись, нисповергали, а вот *что* же в гуманитарно-понимательно-понятийном аспекте вершили, *что-о?*, если не... вздохнем с облегчением... что-то *иное*, да не просто иное, которое и определить сходу можно усилиями ходовой и ходкой гуманитарщины, а именно *иное*, к спорному себя определению от расхожей и скороходной гуманитарщины почему-то не склонное?

Так что же?

Тут уж в дело вступает *иная гуманитарщина* — оттуда, из Иного, не обремененная ни фанатизмом, ни догматизмом, ни даже гуманитаризмом как таковым.

Тут в самый раз вспомнить о единении России, или того феномена, которого мы называем Россией, с Иным, да таком единении, когда сама Россия и есть Иное, правда, бытующее то ли по заданию, то ли в наказание, а скорее всего по тому и другому поводу, *Здесь*, на Земле, среди *Этого* земного мира.

Да так бытует, что ничего определенного о ее — России — и его — Иного — бытовании на евразийском континенте планеты Земля и сказать нечего, кроме... кроме разве того, что... *тайна* тут неоглядная и непостижимая, а вот кроме сей тайны еще и *таинственное предназначение* загадочной Ино-России, самой непрестанно витая над бездной и ее собою прикрывая, вытаскивать из бездны, вполне и творящей, какое-нибудь *иное*, как и отправлять во все пожирающую бездну кое-что из зёмного — из *этого*, для чего и связь магическая с Иным нужна и самой надо быть магически *иной*, чтоб

притягивать и отталкивать реально-нереальное, ну и — самое главное! — иметь охранительную для себя себя же *непонятность*, ни для кого, ни даже для себя, что именно и есть, а вкупе — *страх* внушать — для кого бездний, для кого Божий, да не только кое-кого в бездну чередом отправляя, да ведь и себя тоже туда же окуная, примеряя на себя экзистент-варианты, перебирая их, словно четки, как раз в ожидании и в поиске чего-то и впрямь *иного*, да не просто перебирая, ожидая и ища, а еще кое-что в упряжке с бездной и созида... как раз *иное*.

Вот и СССР был и остается в памяти чем-то *иным*, не СССР-ом вовсе, как он обычно публично представляется, а неким *инофеноменом*. Да, сам по себе он — как именно СССР — *оксюморонный симулякр*, а вот под собой, внутри, в реалиях, да и над собой тоже, чем же он стался?

Считается, что СССР возник в итоге де российской, даже чуть ли не русской, революции, прокатившейся по России в 1917 — 1922 гг. посредством двух политических переворотов и в виде ожесточенной гражданской, одновременно и антиинтервенционной, войны, сбросившей в небытие Российскую империю и водрузившей на ее месте СССР (пусть поначалу РСФСР).

Да, поверхностно-событийно это выглядело именно так: два в 1917 г. переворота — февральский и октябрьский; внутригражданская кровавая пряс с борьбой против внешней военной интервенции; учреждение нового типа — советского де и де социалистического — государственно-межрегионального, но при этом управленчески централизованного, образования, получившего имя-детерминацию в образе Союза Советских Социалистических Республик — страны сугубо трудового народа, народной демократии, международного братства, однако не с одними лишь отраслевыми и региональными профсоюзами, объединенными в единый союз, но поначалу и с признававшими СССР политическими партиями, а затем и попросту лишь с одной руководящей всем и вся иерархически построенной партией, не так уже политической, как социально-хозяйственной, с единой идеологией и подотчетной ей сферой культуры и словотворчества, точнее не партией, а неким *гражданским сословием*, служившим оплотом, ведущей руководящей силой и главным реализатором бытия СССР.

Во внешне-формально-событийном аспекте о 1917—1922 гг. революции и СССР можно говорить много, но не это для нас главное, а главное как раз в том, *что же и почему же* случилось на деле и по существу в России и с Россией

с того революционно-исторического момента и *почему* случился именно СССР, а также *чем* (или *кем*) он стался по сути и на деле как экзистенциально-историческая реальность?

Здесь надо принять во внимание, что Российская империя, как и ранее любая русская страна-предшественница, никогда не была сколько-нибудь плотно закрытой от внешнего мира ни в граничном, ни в хозяйственном, ни в политическом, ни даже в идеократическом планах, отчего ни Россию не отделить от внешнего контекста, ни внешний контекст не отделить от России (Руси).

Бытие-история России оказывалось не только и даже временами не столько, скажем так, собственно российским, тем более уж русским, ибо инвазия контекста в Россию всегда имела место, а моментами, временами и даже эпохами бывала и немало определяющей, разумеется, со встречной ее поддержкой изнутри, причем в той или иной мере непременно *анти-русской*, не говоря уж об *анти-росской* (читай *анти-русской*).

Так уж вышло исходно и попутно выходит исторически, что Россия бытует не только в постоянном взаимодействии с внешним контекстом, включая и ожесточенное с ним противоборство, но и в жутком противоречии с самою собою по причине не только неизбежного присутствия в России отрицающего ее внешнего контекста, никогда не обходившегося без серьезной поддержки изнутри, но еще и по причине исходной *инаковости* (даже и *инойности*, что круче!) России относительно зёмного мира вообще, в котором ей приходится бытовать, то бишь из-за хронически неполной встроенности России в земный мир по причине исходно фундаментального ему противоречия, что далеко не всех россиян и даже самих русских устраивало и устраивает, что как раз и стимулировало и стимулирует обращение немалой части из них к вожделенному ими контексту вплоть до предательства своего мира, своих собратьев, а и вместе с ними и себя самих тоже.

В России всегда присутствует мало что контекстная и своя же собственная *неРоссия*, но постоянно подвизается и столь же двужначная *антиРоссия*, отчего России приходится всегда, почти всегда или уж нередко *вроде бы быть*, что в общем-то несомненно, и *вроде бы не быть*, что уже не столь несомненно, но что не менее при этом достоверно.

Вот так: *быть* и *не быть*, что значит быть Россией в России и не быть в России Россией, а в отдельные моменты *так* сильно не быть, как, собственно, при этом и как-то *все-таки быть*, что аж одни мурашки по коже!

Возвращаясь к СССР, заметим, что революция в России, в конце концов и породившая СССР, случилась хоть и не без заметной доли внезапности, характерной для такого рода исторических событий, но более всего была сознательно *сделана*, причем усилиями не только ярых противников России, но и ее искренних сторонников, причем как России вообще, так и даже тогдашнего ее самодержавно-имперского устройства, но главное тут в том, что она — революция — делалась в соответствии с давно вынававшимся и так или иначе претворявшимся с переменным успехом в жизнь уже не *Нового*, как было со времени Ренессанса, а затем буржуазных революций в Европе, а *Новейшего*, естественно, как издавно завелось европогенного, европовидного и европоцентричного, вполне и европоколониального, *мира-проекта*, или *проекта-мира* (как раз просвещенческого — от Просвещения), отличительной особенностью которого должно было стать явление на Земле, о чем можно сегодня смело говорить, *иного человечества*, состоящего повсюду на планете из массы индивидов, не обремененных условностями, ограничениями и императивами со стороны общества, этносов, наций, государств, общин, семей, собственности, языков, культур, религий, идеологий, традиций, короче — *явления на Земле Царства Божиего как фактического экзистентного Рая*, что, конечно же, не значило, что вся эта планетарная масса по-райски осчастливленных индивидов оказывалась свободной от труда, контроля и управления сверху, безоговорочного послушания управляющему ими верху и наказаний за непослушание вплоть до изоляции и ликвидации, — неважно в данном случае из каких конкретно источников возник и как этот *гуманистический (от человека и ради человека) проект-мир* стал при своем конкретном исполнении выглядеть и называться (либеральным, демократическом, социалистическом, коммунистическом, фашистским) — важно, что это был *единый мировой проект* — ПРОЕКТ!, возникший внутри вполне себе *сакрального (не известного человеку) мирозданческого проекта* под кодовым названием «ЧЕЛОВЕК», а в головах людских сей европогуманистический проект возник как зеркально вывернутый наизнанку уже бывший и действовавший в той же Европе религиозный иудео-христианский проект, став оттого *анти-иудео-христианским*, вполне себе уже *европейским (новоевропейским) проектом* (говорить же о том, что сей проект масонский по происхождению, как и, допустим, сатанинский по характеру, нет тут большого резона, ибо мало что это хорошо известно, так еще и сие говорение не сильно поможет раскрытию функциональной цели-задачи проекта — *превращения*

существенно сокращенного человечества в однообразное массоподобное постчеловечество, принужденно экзистенцирующее под властной опекой высшего и знающего (!) европейского меньшинства).

Отсюда и три функциональных идеократических и деловых кита: *«Гуманизм, подкрепленный секуляризмом и атеизмом; научно-технический прогресс в единении с экономизмом и финансизмом; движение от природы к неприроде с соответствующим преобразованием зёмного мира и человека, как и с освоением космоса».*

Итак: проект *ино*-бытия с *ино*-человеком, однако с человеческим (зёмным) *ино*, а не с сакральным (мирозданческим) *Ино*, хотя, быть может, и ему как-то — возможно, и немало — адекватным, даже этим последним и вдохновленным — кто знает?, но зато вполне себе телеологично из века в век исполняемым, меня конкретных направляющих лидеров из числа цивилизационных посвященных в проект государственных и иных субъектов, как и вгоняя в исполнение проекта не слишком в него посвященных, но на него работающих вплоть до собою пожертвования масс трудящихся, россыпей спецов и роев управляющих, что вкуче как бы «своих» для лидеров, что для них и совершенно чужих.

Так или иначе, но в исполнение проекта оказался вовлеченным, пусть и поразному, весь зёмный мир с Европой (Евро-Англо-Америкой) во главе. А само исполнение предполагало не один эксплуатационно устроенный труд, но и ведение войн, колониальных захватов, революций, ну и, разумеется, реформ, в общем — страсть тут, алчность, грабеж, пот, кровь, страда, страдание, смерть, как и неограниченная ложь!

Однако и кое для кого материальные обретения, высокие доходы, безграничное процветание, великий комфорт, почти что и райский, ну и награды, премии, почет, известность, слава, почти что и небожителство, в общем, кому грандиозный успех с разнообразными бубликами, а кому лишь большие беды с одномерной дыркой от бублика, а оправданием тут служили гуманитарные глубокомыслия о предназначениях, волях и судьбах, ну еще и попросту о везениях: проект вершился и сам вершил — переделывая, подменяя, изменяя, созидавая, разрушая, пожирая, ликвидируя, преобразуя.

В исполнение европейского проекта вляпалась и Россия, сначала как Русское (Московское) царство, превратившись более всего по воле первого из откровенных и непреклонных в Отечестве царей-еврофилов Петра I, ставшего по созданию им Российской империи еще и первым росо-европейским в

Отечестве императором Петром Великим, а затем уже, спустя пару веков великой истории, Российская империя, аккурат по итогам великой империальной войны, развязанной европейскими проектантами-реализаторами в 1914 г., в которой империи пришлось-таки принять участие, да так «удачно», что империя оказалась в итоге... нет, не побежденной вовсе и не завоеванной, как раз наоборот, могущей победить в войне и снова, как уже бывало, армейски посетить Европу, однако... стала вдруг жертвой разыгранной все тем же европроектом... э-э... *революции* — РЕВОЛЮЦИИ!, причем, что самое интересное, как раз по сути мало что европейской и антироссийской, так еще и, ежели обратить внимание на ее — революции — октябрьско-троцко-ленинский разворот от уже состоявшейся в Европе и частично в России европейщины к *новой европейщине*, уже и *антиевропейской европейщине*, вполне и протестной относительно самой же Европы, уже охваченной *новым (новейшим) проектированием*, угнездишимся в лоне-логове самого же *протоЕвропроекта*, продолжая, с одной стороны, протоЕвропроект, а с другой — его значительно уже отрицая.

Сие ново-новейшее проектирование шло разными путями-субпроектами, из которых особо выделились три осуществившиеся всерьез на практике ветви-ствола на ветвистом европроектдереве: во-первых, ветвь *Новой Европы* (этакой *Нью-Европы*, как раз северо-заокеанской, американской, в основе англосаксонской с примесью иных «европ»), вроде бы родственной Старой Европе, так сказать, старосветовской Европе, но и не слишком ей уже родной по причине своих новосветовских предпочтений вроде антимоноархичности, антиэнтичности, антинацийности, антиполилингвичности, антисословности, но зато с приоритетом того, чего хотела, но не сделала просвещенческая старая Европа, а именно: полной экзистенциальной свободы человека как человека, правда, в рамках экономической, или буржуазной, цивилизации, что о-очень важно!; во-вторых, ветвь, которую можно было бы назвать проектом *АнтиЕвропы*, исполнение которого и выпало на долю как раз р-революционной 1917 г. России, что соответствовало финальному для самой Европы европроект-аккорду, успевшему зарекомендовать себя как неклассово-неэксплуатационный, то бишь как социалистический, коммунистический (в общем, не буржуазный, даже и не экономический), предполагавший царство трудящихся и только трудящихся, еще и как-то самоуправляющихся (ясно, что в отличие от американской ветви, лишь частично утопической, сия ветвь имела явно утопический характер, что ее сторонниками не только не скрывалось, а

даже охотно пропагандировалось, разумеется, с возможностью реального-де исполнения сей утопии, ее превращения в антиутопию); наконец, в-третьих, хоть и выросшая последней, но оказавшаяся о-очень знаменательной для Европы, нео-архео-европейская ветвь — *фашистская*, ставшая, с одной стороны, наследницей империально-варварской дохристианской европейскости, с другой стороны, наследницей эконом-капиталовской Европы, с третьей стороны, провозвестницей арийского-де хомо-нацио-культурно-экзистенциального европревосходства надо всем неарийским-де зёмным миром, с четвертой стороны, носительницей идеологии безоговорочного, тотального толка иерархо-корпоративизма как по социальной горизонтали, так и по государственной вертикали, ну а уж с пятой стороны, ставшая заповедным врагом социал-коммунистической евроветви как реально угрожавшей старушенции Европе с ее имперо-буржуазно-колониальными замашками.

Возвращаясь к социал-коммунистическому проекту, доставшемуся на исполнение от Европы зачарованной ею революционной России, заметим, что из попытки реально исполнить сей утопический проект, пусть, правда, значительно подправленный реальным временем посредством кровопролитной гражданской и антиинтервенционной войны 1918—1922 гг. (война ведь, слава богу, как собственно и революция, не особенно считается с субъектными проективными интенциями, а правит их по-своему и правит, указывая проектантам ненаступившей реальности, что *Великая Неизвестность* всегда их сильнее, а сторонникам *выдуманного иного* доказывает, что *реально-ирреальное иное* всегда *не такое*, каким кажется, а совсем, увы... *иное!*), так вот из сей мучительной и жертвенной попытки исполнить выдуманный по просвещенческой глупости в Европе и изрядно поднадуманный в России по уже «домовой» глупости проект и вышел (или выскочил, лучше сказать) СССР, разумеется, как большая, не в меру проектная фиктивность, так и, к счастью, в меру реальная, уже и внепроектная, реальность: не как союз каких-то там свободных национальных республик трудящихся, а как имперского разлива номенклатурный (партийно-начальственный), еще и армейского образца, *этатизм*, что, заметим, как реальный исторический факт было совсем и не плохо, пожалуй что, и хорошо, даже и очень хорошо — хотя бы для уцелевания, выживания и взрывного развития страны, для той же победы в новой евромировой войне, причем, как оказалось, победы вовсе не какой-то там новоутопической страны, а всего лишь... *России*, да-да, именно так — *матушки России*, пусть и изрядно переформатированной согласно и вопреки

вызванными революцией и затянувшейся гражданской распрей переменами, причем со многими, знаете ли, пусть и не со всеми, ее субъектными, традиционными и культурными атрибутами, включая, пардон, и сельское крепостное право, и зековское рабство, и неизбывную бюрократию, и неперменного царя-императора, но при этом и богатый русский язык, и этносы с их родными языками, и великолепную школу, включая высшую с ее превосходными университетами, и добротную литературу, и прекрасный балет с замечательной оперой, и выдающийся синемаграф, и блестящую науку, и разное высококлассное, исключая лишь каверзный модернизм, талантливое искусство.

Да, под сенью надуманного СССР произошло вдруг что-то сродни чуду... нет, не реставрация прежней империи, хотя и с кое-каким к ней возвращением... а рождение новой, пусть и под фиговым прикрытием СССР, **империи**, вовсе и не колониальной, как это было у славных европейцев, а уникально монолитной, хоть и внутри себя разнообразной этнически, лингвистически и культурно, имевшей единую для всех субъектов империи и ее граждан *идеологию*, хоть и восходившую формально и на словах к проектной марксистско-ленинской, даже обзывавшуюся для красного словца пролетарской, но фактически вполне себе имперскую, государственническую, национальную, гражданственную, товарищескую, трудофильскую, осуждавшую частную собственность, как было принято говорить, на средства производства, то бишь всех помещиков, кулаков, капиталистов с их возможностями эксплуатации человека человеком и тенденцией к паразитизму, как и вообще отрицавшей эгоистический индивидуализм во всех его порочных проявлениях.

Что же в итоге получилось? А получилось, с одной стороны, явное исполнение антилиберального, при этом антифеодального и антибуржуазного, даже и антиэкономического европроекта (оттого и антиевропроекта), а с другой, не так даже его неисполнение в прожектерски задуманной целостной парадигме, как выдвижение на передний план *иного*, куда более реалистичного по жизни и не по полному разрыву с традицией, *нелиберального проекта* (как бы проекта в Проекте) — как раз **сталинского проекта** (ежели относиться к Сталину как вождистскому феномену, а не как к личности по имени Иосиф Джугашвили).

Итак: неисполнение проективной утопии в ее нереалистической части и исполнение сей «утопии» в ее, как казалось и оказалось на деле, как бы

реалистической части, однако то и другое в вовсе не утопической, а вполне себе реалистичной, ожесточенной борьбе, а второе — посредством опять же вовсе не утопического имперского, весьма и по образу армейского, чуть ли не тотального огосударствления всего странового бытия. В общем: *Первопроект — внутренний антипроект — Новый проект из и в рамках Первопроекта!*

Однако сталинский проект, пережив взлет, сонм побед, включая победу на космической стезе, массу достижений, как и не избегнув поражений, промахов и неудач, просуществовал как исполненная реальность всего лишь плюс-минус 70 лет и... был сначала источен изнутри, а затем и низвергнут, да ладно бы низвергнут его внешними противниками — либералистами из Евро-Америки, а то ведь выросшими в среде сталинского проекта его еще более яркими, чем внешние, внутренними, уже и либералистическими, противниками, что, согласимся, говорит о многом: что-то в проекте, начиная с Первопроекта и кончая им самим — сталинским — проектом, было явно не так, может, не так даже в самом по себе проекте, как в создаваемом им бытии и в людях, им — проектом — окормлявшихся.

Даже сам Сталин (уже не как феномен, а как личность), судя по его последним перед уходом из жизни высказываниям, понимал, что созданное под его водительством в яростное, мобилизационное, кризисно-милитарное время тотально эстатическое устройство бытия не может долее продолжаться и требует, несмотря на повседневный героизм признававших его и в нем участвовавших граждан, существенных перемен, причем в сторону... как раз... *либерализма*, однако в мере, не способной устранить ни ведущих основ сталинского проекта, ни главных ориентиров Первопроекта, с которым сталинский проект не только не порывал, а, наоборот, после Великой победы в Великой войне еще более с ним синтезировался, прочно овладев в нем — Первопроекте — мировым лидерством, да еще с обретением мировой соцсистемы под фактически имперским патронатом СССР.

И все же сталинский проект вкупе, заметим особо, не только с СССР и мировой соцсистемой, а и всем мировым соцкомпроектом, в одночасье рухнул, ловко подточенный в СССР изнутри, преданный оттуда же и удачно извне подтолкнутый в небытие усилиями западного либерализма (пусть и квазилиберализма, в угоду самому себе вполне авторитарного, тоталитарного, империального, колониального, злого, беспощадного!).

Вторая половина XX в. — время борьбы в рамках и на полях *Большого ренессансно-просвещенческого Проекта*, или *Протопроекта*, двух глобальных евросубпроектов, оставшихся на свету после их совместной победы по итогам Великой войны 1939—1945 гг., как оказалось, правда, вовсе не полной и не окончательной, над фашистским евросубпроектом, а именно, с одной стороны, проекта *либерального* (Евро-Америка) и, с другой, скажем так, проекта *соцкоммунистического* (СССР, мировая соцсистема, мировое соцкомдвижение), той самой борьбы, которая и завершилась на рубеже 1980—1990-х в пользу мирового либерализма во главе с США и сидящей у США за пазухой непотопляемой Великобританией.

Сталинский проект — этактический, армейского образца, хронически мобилизационный, социабельский, жертвенный, жесткий, хоть по-своему и *народный*, даже немало и *соборный*, хоть и отвечал адекватно острому историческому моменту 1930—1940-х гг., но не смог ответить на запрос *исторического бытия вообще*, а людской мир, как бы лояльно и даже преданно ни относившийся в своей ведущей части к сему сталинскому проекту в кризисно-милитарно-рисковые времена, не мог постоянно, сколь угодно долго, а главное — покорно и признательно, еще и героически, находиться под проектом и в его лоне, нуждаясь все-таки в иной, даже частью и в беспроектной, но все-таки полноценной людской жизни, не только служа беспримерному проекту, но и свободно самореализуясь, включая и экономическое предпринимательство, и свободное творчество, и открытость всему миру, что означало явный уклон к либерализму, пусть и не «*ихнему*», а *своему*, но все-таки к *либерализму*.

Противоречие между сталинским проектом, не отошедшим вполне от выдуманного в Европе соцкоммунистического Первопроекта, и людским на Земле бытием, не исключая и разнообразной природы человека как человека, далеко не склонной ни к природному, ни к сакральному, ни к социальному, ни попросту к человеческому совершенству, не нашло в послесталинское время приемлемого как для проекта, так и для охваченного им люда не то что позитивного разрешения, но даже и адекватного проекту понимания у правивших тогда верхов как необходимости существенных перемен, так и за их неисполнение великой исторической ответственности, а главное — не достало воли к действию, чего всего вкупе то ли не хватило у властей предержащих, то ли вообще не было самим проектом предположено, зато было очень хорошо использовано вовсе, как оказалось, не мифическими и даже не загадочными

противниками что сталинского проекта, что соцкомпервопроекта, результатом чего стали сначала истощение и ослабление сих проектов, затем предательская сдача послесталинской страны и ее по преимуществу не слишком-то ей верных стран-сателлитов противнику — Западу, а потом и их — обоих соцкомпроектов — ликвидация.

Да, это было *поражение* — ПОРАЖЕНИЕ!, да не так в холодной войне с Западом, хоть это тоже по метафизическому факту имело место, как в ожесточенном соревновании двух в рамках ренессансно-просвещенческого Протопроекта субпроектов — либерального и соцкоммунистического, а в лоне последнего еще и сталинского субпроекта, причем поражение, сравнимое пусть и с добровольной, но все-таки *капитуляцией* — западный либерализм не так победил тогда, даже в той же холодной войне, как попросту принял внезапную капитуляцию, однако не со стороны им вдруг побежденных сторонников проигравшего проекта, а со стороны взрастившихся в лоне отвергнутого проекта его — проекта — экзистенциальных противников и попросту непреклонных врагов.

А в итоге-то ведь не одна лишь явилась победа либерализма над соцкоммунизмом, а еще и возникли дополнительные возможности для исполнения Протопроекта уже как *вполне себе планетарного*, однако вовсе не какого-то там земно-всеобщего, а лишь как исполнявшегося в своих интересах Западом своего же, хоть и весьма сомнительного до самоотрицания, *имперо-колониального псевдолиберального проекта* (если помягче выразиться, то имперо-либерального, диктато-либерального, а ежели пожестче и поточнее, то прямо-таки либерал-фашиствующего), отчего, кстати, и родился рече-деловой слоган — *глобализм* — ГЛОБАЛИЗМ!, что означало, не только планетарный масштаб вершившегося и завершавшегося проекта, но и доминирование над этим геостратегическим масштабом западного вершителя и завершителя в лице, правда, вовсе не всего Запада, а более всего, если не единственно, США с Великобританией.

Итак: *явился небывалый шанс возникновения и победы небывалой ранее общепланетарной, или глобальной, либерал-эконом-фашистской суперимперии с властно-управляющим англосаксонским центром, исполнявшим в своих интересах и по своему замыслу ренессансно-просвещенческий Протопроект.*

Да, шанс тут возник и даже весьма реализовался, аж до чуть ли не самогó, знаете ли, «конца истории», да вот не до конца собственной же реализации, пусть даже не хватило всего лишь каких-нибудь десять-двадцать процентов,

хотя надо думать, куда как поболее, да не в том тут дело: небывалый шанс явно замаячил перед мировым западным правлением чуть ли не стопроцентным призраком, а вот в реальности он на все сто так и не воплотился, хотя и того, что случилось, было и так фантастически много.

Стопроцентному воплощению в реальность сего фантастического глобоимперского замысла мешала не только насыщенная разнообразным историческим археоматериалом и естественно сопротивлявшаяся суперимперскому натиску мирозёмная реальность, хоть и вынужденная поначалу сему суперпроекту уступать, но и то важнейшее обстоятельство-свойство планетарной реальности, состоявшее в принципиально-фундаментальной своей особенности — не допускать ни создания *единого всемирного порядка*, ни возможности реализации на его основе и в его рамках *эффективного управления планетарным человечеством из одного центра*.

Тут уж действует вполне себе сакральный закон Вавилонского столпотворения!

Этот-то закон немедленно в реалиях и сказался.

Российская Федерация

Хоть вместо СССР и было учреждено фíговое Содружество Независимых государств — СНГ, оно же, как оказалось, и (Не)СНГ, отчего выходило, что в реалиях может быть и, как видно, бывает и «Содружество зависимых государств» — (Не)СЗГ, но формальным и даже истинным наследником СССР стала *Российская Федерация* — РФ, возникшая на месте упраздненной Российской Советской Федеративной Социалистической Республики, а к каждому из составляющих сие название слов можно было бы тоже приклеить, как и к СССР, коварно-ехидное (Не), что можно было бы, в общем-то, сделать и для РФ, но, правда, уже с немалой контентной натяжкой, поскольку сие название было всего лишь нечто вроде бренда и не более того, а потому ни на какой особый реальный смысл вовсе не претендовало.

Однако страна под названием «Российская Федерация» по итогам ее искрометной сдачи, хоть и не со всеми вчистую потрохами, улыбчивому Западу, а точнее, суперимперским, и особенно при этом улыбчивым США, и впрямь оказалась в «Содружестве зависимых государств», впустив в себя западный мир вместе с его наставниками-управленцами-эксплуататорами-колонизаторами, кинувшись на Запад за экзистенциальным примером и даже рассчитывая на с его стороны дружественное партнерство, при этом яростно переделывая себя под Запад, конечно, в русле *вассального колониалитета*, ибо

ничего другого Запад поверженному им противнику предложить не мог, не собирався и, разумеется, самоуверенно не предложил.

Пришлось властям и прозападных перемен в стране предрержащим на все это не без чувства удовлетворенного экзистент-мазохизма согласиться, однако с тем важным условием, что победитель не станет препятствовать не только раскрутке в стране колониального экономико-хозяйственного каннибализма, но и возникновению наряду с колониальной администрацией еще и компрадорского слоя крупных владельцев странового богатства и всей остающейся в стране после прозападного погрома, главным образом уже энерго-сырьевой, производительной силы.

Так, собственно, все в стране и образовалось, пусть и не гладко, и не по всему страновому полюшку-полю одинаково, и с кое-какими уступками со стороны почти уже владетельного (чуть ли не метропольного) Запада (США), а где-то и с его стороны недосмотром и промашками, как и с кое-какой неуступчивостью и даже не сильно гласным сопротивлением со стороны россиян, прежде всего как раз крупной собственности и центральной власти предрержащих, а когда все это более или менее свершилось, то волей-неволей возник вопрос: «Кто же мы, великая держава или тварь дрожащая?», на который вдруг последовал ответ: «Держава!», а затем, отбив возможность распада РФ по сценарию распада СССР, внушив себе и Западу возможность присоединения к нему в качестве не более и не менее как партнерского актора, так или иначе при этом противостоявшего-де Востоку и Югу, что устраивало Запад (отчего и появление G-8), однако, пройдя фазу «партнерской (не)дружбы» с Западом и убедившись, что Запад вовсе не склонен к равноправным партнерским отношениям, рассматривая РФ лишь как своего, пусть и оригинального (с ядерным оружием в руках!), но все-таки... вассала, подразумевавшаяся лишь в уме державой и сильно поддуснувшая было в новых реалиях держава вдруг заявила о себе как именно *держава* — ДЕРЖАВА!, подрабравшись к тому моменту с самою собою посредством административной революции 2000-х в пользу как раз своего ненаигранного «державства», устремленного к суверенности и полноценной субъектности, и, вызвав недоумение, разочарование и гнев со стороны западных кураторов, вдруг отведенных сначала робко, а затем все более напористо восставшей чуть ли не из пепла державой в сторону от себя, что повлекло не что-нибудь... нет, даже не конфронтацию... а самую настоящую войну Запада с Россией-РФ, поначалу вроде бы рецидивно холодную и как бы «мирную», а затем все более

и более боевито разгоравшуюся вплоть до настоящей горячей войны, разразившейся на пространстве прямиком подошедшей под войновские игры Запада с Россией «незалежной» Украины.

Итак: выворачивание бывшей РСФСР до кишок с возделенным впрыскиванием в себя западно-мутно-ядовитого эликсира, затем момент натягивания балансировочного каната между РФ и Западом с не слишком заметным для внешнего глаза его — каната — перетягиванием то в одну, то в другую сторону, а уж потом... нет, не перерубка каната и не его внезапный саморазрыв... а продолжение перетягивания, однако с подослабевшей вдруг одной из сторон, как раз западной, и с подусилившейся вовсе не вдруг, а в ходе, пусть и не полного, но выворачивания себя, только что вполне революционно вывернутой, другой стороны — российской.

Что же касается каната и его перетягивания, то даже война на Украине не стала — пока не стала! — разрубающим его александро-македонским мечом, ибо РФ как сделалась глубоко и масштабно вестернизированной в переходный период «от социализма к капитализму», так таковой во многом и осталась, хотя, заметим, шансы «саморазрыва» каната хотя бы по сценарию «самоподрыва» того же «Северного потока», пусть и не слишком, но все-таки усиливаются.

Что имеем сегодня? О-очень интересный, как говорится, исторический момент, он же и бытийная картина, пусть еще не картина маслом, но уж акварелью точно, когда «тока-тока» облаченная в желанные либер-глобо-капиталовские одежды страна вдруг стала испытывать внутреннюю дрожь, если не тряску, да не так от страха перед западным теперь уже противником, даже и не от страха себя потерять вообще, как от потребности скинуть с себя напяленные на себя и себя же сковывающие заграничные лжедоспехи и — нет, не восстать, как уже было замечено, из пепла, хоть и не без этого, — а, скорее, вывалиться из охватившего ее прозападного морока, обретая пусть еще и вестернизированную во плоти, но поведенчески все-таки уже особенную самость.

Нет, не справилась пореформенная Российская Федерация с глубинной Россией, не загнала ее в небытие, хоть и отправила в Навь, как раз на границу Времени и Вечности, а Россия, она же Русь, Рось, как водится, не поддалась на давление РФ-симулякра, мало того, поддержав его в острокритический развилочный момент, затребовала в сторону и ради себя серьезных парадигмальных перемен, способных преодолеть полувынужденную симуляцию РФ, отстоять свою неутопическую реальность, оснастить свое

бытие неотвратимой исторической правдой, отдать, если не вернуть, Россию не комунибудь, а самой России, разумеется, не бывшей когда-то в прошлых реалиях России, а *новой России*, еще как раз и не бывалой.

Общие, конечно, слова, чуть ли не досуже-риторические, да вот что поделать, ежели бытие в поднебесье, да и повсюду в мироздании, вот такое: в смысловом аспекте, да и немало в функциональном, сокрытое, непрозрачное, туманное, это даже этакое, знаете ли, *криптобытие*, которое вроде бы бытие, да мало что никому не известно какое бытие, так ведь еще и не известно какое небытие тоже, вот и разберись тут со всем этим, а еще и с Россией, даже и с той же мерцающей сокрытыми смыслами и открытым бессмыслием Российской Федерацией!

Одно, пожалуй, нынче ясно: не только не быть вестернизированной до мозга костей России (это — абсурд!), но, кажется, и самой Российской Федерации не быть уже до конца вестернизированной, как бы того ни хотело нынешнее страновое правление, сплошь, пусть лишь почти что сплошь, умом и даже душою прозападное, во всяком случае, лишь на толику пророссийское, вынужденно, так сказать, во спасение себя и удержания «тока-тока» под себя выстроенной родной-неродной страны, как раз именно РФ, а не собственно России.

Тут два мощнейших и острейших противоречия: первое — между коренной Россией и нынешней сфабрикованной под Россию симулятивной Российской Федерацией, куда при этом более симулятивной, чем был СССР; второе — между, с одной стороны, не отпускающей страну русско-российской традицией, как раз и делающей страну *народной страной*, и, с другой стороны, внезапно, но зато о-очень расчетливо возникшей в ходе лукавых «либерально-рыночных» реформ, владетельно-правленческой элитой, — те самые противоречия, которые никак из нынешнего российского бытия не выкурить и от состояния которых, как и их разрешения-неразрешения, напрямую зависит на данный исторический момент не просто текущее бытие страны, а и вся ее дальнейшая судьба.

Понимают *это* нынешние РФ-верхи или нет, не суть важно, ибо сделать с собой и со своим режимом что-нибудь действительно радикальное по треку переделывания себя и режима в сторону *народной страны*, то бишь в сторону *коренной России*, попросту не в состоянии, да и желания на то у них особого нет, да и быть не может, а потому остается лишь, с одной стороны, дальнейшее, еще более изощренное, настойчивое и маскировочное, камуфлирование себя и

режима под «российские», а с другой — консервацию, утверждение и деспотизацию себя и режима в сочетании с вынужденными уступками в пользу, а то и вовсе не в пользу, а в ущерб, постсоциального(ому) по замыслу верхов народного низа(у) и асоциальной по жгучему желанию тех же верхов услужливой середины.

Патриотическая реакция части россиян на развернувшуюся войну не должна удивлять, ибо это реакция народной страны на опасность, возникшую перед Россией как таковой, а не перед действующим ныне в стране режимом, но и реакция «ногами» другой части населения, сбжавшей за границу от всего лишь возможной их военной мобилизации, тоже не должна удивлять, как и отсутствие должной реакции на это исторически экстраординарное происшествие со стороны властей предержавших (как будто ничего и не было!), ибо то и другое является вполне адекватным «новой (Не)России», с какой бы стороны к этому чрезвычайному происшествию ни подойти — патриотической, непатриотической или даже протестной.

Да, так вот именно все в державе и идет, так все и будет идти: противоречиво, непонятно, вопросно, недоуменно, странно, неуклюже, исподтишка, будто бы из-за угла, как бы и понарошку, игрово, театрально, синематографично, симулятивно, а главное — *скрытно!*, что как раз не только соответствует нынешней постмодерновой эпохе, но и навязано отсутствием у многих из ныне в мире крупной собственности и властей предержавших какой бы то ни было *легитимности* — хоть земно-человеческой, хоть небесно-сакральной, хоть историко-правовой, ибо у всех и везде найдется уязвимое «слабое местечко», оно же и «предательский пунктик», от которого, как от сингуляра, все *этакое* и исходит, а РФ тут вовсе не исключение, увы, не первое, да и, надо полагать, не последнее, в бытии-истории России, не говоря о мире в целом.

Однако жгучая проблема легитимности всего навороченного и ныне как бы в нем всего главенствующего так стоит, аки осиноый кол среди разноцветной клумбы, на сверкающем фосфорическим светом симулятивном теле-призраке нынешней РФ, а настоящая в таких случаях легитимность достигается лишь победами в пользу, а не в ущерб народной России, как то случилось, к примеру, с тем же большевистским режимом — его победами в индустриализации, в Великой войне, в космосе, в образовании, в науке, в культуре, а вовсе не победами над народом, как то было поначалу в «гражданке», а затем в ходе тех же индустриализации и коллективизации,

причем (sic!) стоило сталинскому режиму уже в постсталинском образе внутри себя затрещать, как сразу же обнажилась его *экзистенциальная нелегитимность*, а потому и возможность его отвержения, отмены и полной замены, да *таких* (sic!), что ни Сталину, ни Ленину, ни Карлу Марксу с Фридрихом Энгельсом, ни даже Троцкому с Бухариным в самом кошмарном сне не приснилось бы (бац... э-э... даже не бац, а... пуфф... и... *нету!*)

Вот и нынешний режим с его правлением стремится к победе в легитимизационной для него войне, пусть пока и не великой, чтоб в полный легитим прорваться и окончательно закрепить за собой свою же победу (?) над российским народом, но... но... одной тут военной победы (весьма пока и сомнительной) над впавшей в западную ересь Украиной явно недостаточно, даже и при пока еще наличествующей в РФ потребительской... лжепобеды над россиянами, ибо... ибо где в стране воистину людская среда обитания, где целостная населенческая общность, где настоящее доверие меж гражданами, институтами и ненаигранное доверие к власти, где уверенность масс и даже элиты в завтрашнем дне, где мораль и справедливость, где людская культура с такими же литературой и искусством, где хоть какая-нибудь официальная правда, где хотя бы доля откровенности, где в конце концов человеческая, а не псевдочеловеческая, жизнь?.. о-о... какая же это тяжкая работа, тащить РФ-симулякр из болота в болото!

Что ж, ближайшее будущее, которое уже вовсю накапливается, кое-что из ныне сокрытого и прояснит: кто, что, зачем, ради чего, ну и, само собой, куда?

Гуманитарность

С уходом СССР с его гуманитарной начинкой и... нет, не с приходом, вовсе, а, скорее... с внезапным выпаданием из карточной колоды под кодовым названием «СССР», отправленной во мгновение ока прямиком в утиль, шестерочной крапленой карты с названным «РФ» (или «Российская Федерация»), отправилась во мгновение ока не одна СССР-овская гуманитарность (худо-бедно, но... *просвещенческая* — от *Просвещения!*), но и вся евромировская (она же, уже и не худо-бедно, *просвещенческая* — от *Европросвещения!*) гуманитарность... бац!.. и нет никакой пятисотлетней *еврогуманитарности*, — и какой же ударной интеллектуальной силой, не говоря о стилевом словотворческом изяществе, она была, эта гуманитарность: Кастильоне, Макьявелли, Декарт, Гегель, Кант, Гюго, Маркс, Гете, Ницше, Сартр, Хайдеггер, а у нас хотя бы Посошков, Ломоносов, Карамзин, Пушкин, В. Соловьев, Ленин, Бердяев, Булгаков, Сталин, да мало ли еще кто из

гуманитарных просвещенцев что там — у них, что здесь — у нас, — ах, какая была гуманитарность! — высокая, плодovitая, всезнающая, разная, а главное — *утвердительная!*

И каким же значимым был он — огуманитаренный Просвещением человеческий мир, хоть и не без дрянца, как говорится, в том числе и гуманитарного, но зато... *каким* — КАКИМ! о-о, вполне и *сакральным!*

И вдруг... вдруг оказалось, что человек и его бытие на Земле совсем, или во многом, если не в главном, *не такие*, какими их почти что достоверно, как казалось, представляла себе самой и землянам хоть и разношерстная, но... *гуманитарность* — ГУМАНИТАРНОСТЬ! — а совсем, или во многом, если не в главном, какие-то.. э-эх... *иные*, можно сказать, по крайней мере, что и (*не*)гуманитарные, то бишь вроде бы напогляд гуманитарные, а на самом-то деле совсем и нет, аккурат уже никакие и не гуманитарные.

Для искренних *все-еще-гуманитариев* тут был поначалу шок, да еще какой!, за шоком нахлынуло оцепенение, за ним... тут уж по-разному... для кого уныние с прозябанием, для кого неизлечимая вера в исчезнувшую вдруг из реалий милую сердцу гуманитарность, ну а для кого-то борьба за *новую-де гуманитарность*, неизвестно, правда, какую, а пока... пока жалкое пребывание всех одураченных бытием-историей гуманитариев в стихии возникшей на месте благословенной в веках гуманитарности имитационно безобразной и отъявленно безобразной *гуманитарщины* — ГУМАНИТАРЩИНЫ!

Да, на место какой-никакой гуманитарности пришла совсем уж никакая гуманитарщина: свершилась *великая интраантигуманитарная революция*, но это, как окончательно уже выяснилось, было еще не все: на место гуманитарности под прикрытием фальшивой гуманитарщины явилась и самая настоящая, уже и окаянная, и оголтелая, и смертоносная... э-э... *сатанищина*, что то же самое — *псевдогуманитарный*, а по сути *совсем-не-гуманитарный*, точнее, *вполне-себе-антигуманитарный*, но зато и вполне себе *хомотворный*, конечно же, беспардонный и безбрежный, *сатанизм* — САТАНИЗМ!

Нет, не такой, каким он обычно изображается отрицающей его многие лета высокой гуманитарностью, с которым она вроде бы неистово боролась, а ведь в меру и уживалась, даже и усердно им пользовалась, немало и с иронией ухмыляясь, ибо как же без него — без *сатаноперчика!*, как и без полуправдишки, без лжинки, без пощипывания нервов, без толики лицемерия, без доли причудливой фантазии, без порции лукавой фанаберии, как, а-а?!, нет, не такой он вовсе, этот сатанизм, а знаете ли, весьма и... *гуманитарный*, — и

теперь-то он уже не в роли пристяжного к гуманитарности бедового конька-горбунка, а вполне себе чистокровного жеребца-коренника — это уже во вполне себе апокалиптической упряжке вполне себе самостных и привередливых псевдогуманитарных коней: что тех — из вороных, что этих — из гнедых, что третьих — из серых, что четвертых — из сивых, что пятых — из никаких, а вся упряжка ведь прямо туда — в мироздание, в Преисподнюю, в Бездну, — и кто или что сей безумный коневой гон остановит, кто или что укротит разгоряченных апокалиптических коней, кто или что превратит их в божественные трансцендентные интенции, способные вернуть землянам бытие, историю, ту же высокую гуманитарность... э-эх... да вот стóит ли, да и возможно ли?... э-эх... проклятые вопросы с не менее проклятыми безответами... может, и стóит, да видно, уже не выйдет, а ежели что и случится, то уже вовсе не гуманитарное, а ему противоположное — *искусственно-интеллектуальное*, как раз и высоко или совсем уж низко *сатаническое*, отчего сегодняшний торжествующий и всюду проникающий сатанизм, — баламутный, дерзкий, яркий, многоцветный, игривый, феерический, веселый, беспардонный, прельстительный, захватывающий и т. д. и т. п. — не более чем предтеча воистинного сатанизма, совсем и не плохого, как и совсем не исключительно, что хорошего, а просто окончательно ликвидирующего остаточную гуманитарщину и вместе с этим обеспечивающего замену человека на *постчеловека*, на этого чипо-механо-искусственного агрегата, может, внешне поначалу и хомовидного, даже еще и с животной плотью, а уж потом, коли выгорит сие для оставшихся счастливых, и впрямь какого-то духо-облачкового земно-космического невидимки.

Самое поразительное, что *все это* — не досужие выдумки неких осатанелых беллетристов, а самая что ни на есть сатано-фантастическая реальность.

Сатанизм

Нет, это вовсе не тот, скорее, не только тот, сатанизм, что восходит к падшему-де ангелу, отступнику от Бога, проклятому Богом, Ему — Богу — сопернику по земно-космическим — прежде всего, человеческим — делам: разрушителя, соблазнителя, растлителя, лукавого проводника из Света мира в мир Тьмы, да и попросту погубителя, в общем, сатанизм сей не от сатаны как такового, хоть и это имеет место, а от самого что ни на есть *человека*, а потому и вполне себе *человеческий сатанизм*, или *хомосатанизм*, вовсе и не обязательно обязанный явному отпадению человека от Бога, от религии, от

обыденной, так сказать, святости, нет, вполне себе родной, хозяйский, братский, настолько при этом гуманитарно-антигуманитарный, что само это понятие — *сатанизм* — уже стало вполне себе светским, ходячим, даже и, пусть еще и не строго, научным, не то что философическим, ибо многое из ныне вокруг происходящего, как, разумеется, всегда так или иначе происходившего, а ныне происходящего как-то особенно масштабно, убедительно и победительно, что не говорить о сем вполне себе реалистичном и вездесущем сатаническом феномене, да и иначе, как об истинном сатанизме, уже не приходится, а ежели дать сему «потрясному» феномену оценочное определение, то... нет, не как что-то плохое, не как что-то предосудительное, даже не как что-то недопустимо скверное, — чего только на свете дрянного или дурного нет и не бывает, причем везде и всюду!, да еще и не такого уж и впрямь античеловеческого (подумаешь, невидаль какая!), а... как раз *вполне себе человеческого*, слишком даже человеческого, да и если б просто отвратительного, похабного или паскудного, ан-нет, вполне себе и, как говорится, комильфо, еще и изощренно по-гуманитарному оправдываемого, даже напогляд и по своему изумительного!

А вот чего же там в избытке? А-а... пожалуй, что ... чего-то вызволенного, свободного, торжествующего... э-э... тогда чего же?.. наверное, все-таки... чего-то... *оборотного, изнаночного, животного, звериного, бесовского*, но непременно... *очеловеченного*, отчего сатанизм сей, по-видимому, есть некое *хомооборотничество*, что-то вроде и *хомопрееисподничества*, где, однако, оборотничество и прееисподничество хоть и в фаворе, да вот под неперменным крышеванием со стороны *хомо, хомо и хомо* — ХОМО! — вот так и никак, увы, иначе!

Да-а, теизм, атеизм, гуманизм, демократизм, финансизм, социализм, коммунизм, тот же фашизм, не лишены каждый в свою меру и в своей интерпретации толики, а то и заметной, знаете ли, глыбы, этого самого нашенского, то бишь земно-житейского, сатанизма, — что тут скрывать! — но что есть каждый из сих «измов» по сравнению с как таковым *сатанизмом* — САТАНИЗМОМ!? — они даже и не полноценные ему предтечи, а так... пригодишки, ибо тут ведь приход в мир земно-человеческий вполне себе *победоносного (не)человека*, причем через посредство... все того же Просвещения с его научно-техническим прогрессом и высокой гуманитарностью (какие в самом деле по высокому качеству и гуманитарной значимости явились вослед Просвещению философии, литературы, театры,

музыки, балеты, художества!), разумеется, с непременным себя же самоотрицательным исходом и прогрессным расчеловечиванием прогрессивного-де человека, его денатурализацией и ментальной перелицовкой, — и *это вкупе все* — ЭТО ВСЕ! — явилось, — конечно же, не с первой в бытии-истории оцивилизованного человечества попытки, — да и вовсе не для того, чтобы обслуживать и осчастливливать *этому всему* вовсе и не нужных ему человекообразов, а чтобы покорить их, превратив их из «образов» в *человкоподобных образин!*

А что *там*, на конце (на кончике кощеевой иглы!) торжествующего сатанизма? А там, знаете ли... ничего... кроме э-э... *конца* — КОНЦА!, — правда, с возможным кое-каким знаменательным для все-еще-человека продолжением, ибо тут могут вмешаться Иное, Великая Неизвестность, мироздание, Господь Бог, — и лишь одно оттого занимает сейчас гуманитарное воображение этого самого *все-еще-человека*, как ему кажется, что именно как... *человека* — ЧЕЛОВЕКА!: входит ли сие сатаническое протяжение бытия-истории с конечным отрицанием Бытия-Истории в планы всего этого вышеназванного *Трансцендентального*, то бишь *иномирного*, если не попросту *внемирного*, хоть мир сей, который *как бы наш*, а на самом-то деле он — и вовсе *не как бы* — как раз *их*, отчего все это Трансцендентальное насовсем никуда и никогда не покидает сей мир, во всяком случае, до некоторых никому из смертных не известных пор?

А пока триумф *сатанизма* — САТАНИЗМА! — не так мифотворного *сатанизма*, а как вполне себе реалистичного *сатанизма*, вполне себе и, — по подобию сознанию, разуму, памяти, — *субстанциального*, то бишь достаточно в мире сем крепко сидящего, еще и наверху сидящего, на крыше, так сказать, мира, на башне, на горе, пусть и на плоских, на усеченных, на срезанных их вершинах, но ведь сидит же, сидит!

Что вовсе не мифотворно, так это нынешний *реалистический сатанизм*, он же и *сатанический реализм!*

За сатаническое можно принять очень многое, не сильно при этом и ошибаясь, прежде всего ложное, обманное, каверзное, что понятно, менее же заметно, но всего более адекватно сатанизму им горячо любимое... *правдоподобие*, а с ним вместе то, что обычно называется... нет, не иллюзией как таковой, хоть и не без нее, а... *кажимостью*: сатанизм любит *казаться*, как раз *правдоподобно казаться*, что и приносит ему наиболее радующий его гешефт — факт!

А почему все-таки сатанизм выделен нынче устоявшей перед ним все-еще-гуманитарностью, более или менее очищенной от по преимуществу невольно принятого ею сатанического элемента, мало что в особую *категорию*, вполне, кстати, и гуманитарную, а и в особое в обществе реально-фактическое *присутствие*, при этом все равно какое: системно-строевое, режимно-властное, идейно-политическое, причем присутствие не как просто пребывание, что всегда было и везде нынче есть, а выделен как доминирующая, если уже не господствующая, в мире человеческого (может, уже и получеловеческом) *устройственно-управленческая сила* (вроде принятой в политэкономии производительной силы), однако всецело физиогномирующая соответствующим ей образом и весь мир человеческий (если уже не получеловеческий)?

Любопытно, что сказав о современном обустройстве, управлении, идеологическом обветривании и культурном (пусть более всего и псевдо- и антикультурном) оснащении современного земно-космо-человеческого бытия как о *сатанических*, все как-то сразу и становится ясно, но не в смысло-содержательном плане, а как раз наоборот — в бессмысленно-бессодержательном (как раз в правдоподобно-кажущемся) ракурсе: единственно реальный смысл сатанизма, сопряженный с его содержанием — это... *пустота* — ПУСТОТА!, да-да, именно так: все у сатаны, как и он сам — *пустое* — ПУСТОЕ!, а что касается торжествующего ныне хомосатанизма, то все *вроде бы* реальное и *как бы* содержательно наполненное, с чем он выходит ежемоментно на паперть жизни (уже немало и нежизни), есть не более чем показное прикрытие своей неизбывной *пустоты* — ПУСТОТЫ!

Паразит он — сатанизм, да еще какой — пустотелый, пустоголовый и пустозвонный, однако для многих мало что всецело приемлемый, но еще и трепетно нравящийся — пустоту-то свою им надо же чем-то прикрывать, вот на выручку и приходит лишь прикрытая ущербной кажимостью все та же *пустота* — ПУСТОТА! — вот, собственно, и все!

Война

В войне нет ничего необычного: все бытие человеческое так или иначе есть *война*, хотя и сочетающаяся с тем, что человек называет *миром* (невойной), а чего больше — мира или войны, ежели под войной понимать и ссоры, и драки, и пресловутую конкуренцию, и бесподобную толкучку на торговых площадях, даже и спортивное соперничество, то пусть об этом в адрес и в пользу войны или мира, как и мира или войны, каждый человек судит сам. И

дело тут не в том, чего больше — войны или мира, а в том, что нет мира без войны, как и войны без мира, отчего уместно говорить о *мире-войне*, как и *войне-мире*, а иного человеку, этому вроде бы божиему созданию, попросту не дано. Божиим-то человек, может и быть, иной раз и в самом деле он таковой и есть, да вот почему-то (что в обыденном плане в общем-то совершенно понятно, ибо зверь, он и есть зверь, какой бы словесностью ни прикрывался!) человеке еще и вполне себе *сатанообразен*, — вот она, какая тут то ли вещь, она же и весть, то ли просто штука, она же и попросту загогулина!

Гуманоид! Да, гуманоид, ибо озознаниен, овербалиен, олингвиниен, отчего он и *теоиден*, но при этом, как кажется, по вине того же сознания, которое и дар, и ноша, и бремя, а то и наказание, человеке наш еще и *сатаноиден*, а уж как и почему, кроме животности, звериности и бесподобности, это опять же пусть каждый умник по-своему и судит.

Война — такое же достояние бытия, как и жизнь, труд, размножение, смерть, — и нечему тут удивляться: воевали, воюем и будем воевать, а кто, вдруг, в мир во всем мире крепко поверит, тот легкой добычей для других гуманоидов-сатаноидов и станет, а уж ежели кто поверит в искреннюю, сердечную, незыблемую и бесконечную (вечную) дружбу какого-нибудь человекообразного оборотня, тот уж станет его добычей непременно и без проволочек.

Что ж, выходит, что и дружбы среди людей нет, и дружить нельзя? Да нет, конечно, и дружба есть, и дружить можно, а иной раз и искренне, и сердечно, и незыблемо, и, что называется, навсегда, но... но... всякое тут бывает: от крепкой дружбы до не менее крепкой вражды достаточно даже не одного шага, а всего лишь одного мгновения!

Дружба, строго говоря — не просто признание другого как самого себя, но и когда сам ты в другом, а другой в тебе — не больше и не меньше, — и что интересно: бывает сие, мало того — *есть!* — однако не то чтобы как исключение, а всего лишь как нечто... э-э... наряду, рядом, вопреки все тем же соперничеству, вражде, войне.

Нет, дружба — не иллюзия, хоть и бывает иллюзорной, кажущейся, даже и прикидывающейся, но она ни во времени, ни в пространстве никак не абсолютна, не всеобща, а вполне себе относительно, фрагментарна, дискретна, прерывна, смертна.

Зачем мы тут вдруг о дружбе? Разумеется, из-за войны, да не иносказательной, а настоящей, вполне реальной, даже вполне войновской — с

лязгом, хрипом, воем, грохотом, разрушениями, болью, стоном, погибелью, ну и торжеством среди всего этого неприглядного вполне себе приглядных героизма и победности, в той или иной степени и пирровых.

Война, да ведь не на коммунальной кухне меж соседками или теми же «хозяйвами» дачных участков в садово-огородном «товариществе», — чего не бывает! — а война геополитическая, межгосударственная, международная, междейная, межцивилизационная, да не за что-нибудь, а за жизнь, еще и либо господскую, либо рабскую, — и никакого тебе диванного выбора, кроме в той или иной мере и в том или ином качестве боевого: либо ты врага, либо он тебя, вот и вся тут недолга!

И интересно: только еще вчера вроде бы партнеры, друзья, чуть ли не союзники, а сегодня уже мало что соперники, противники, так ведь и враги, да ладно бы враги, а то ведь «не на жизнь, а на смерть», да и кто?, ладно бы сторонние, иноплеменные, иноверческие, а то ведь вроде бы *свои*, чуть ли не *по крови* свои, да ладно бы убежденные в какой-то своей правоте добровольцы, а то ведь и насильно-де мобилизованные, но ведь упорно сражающиеся, мало того, отдающие на поле битвы свои жизни.

Как тут ни крути, а войновская война, этот сгусток жизни и смерти, эта, как стало особенно модно ныне говорить, мясорубка (как бы и бессмысленная!) — неотъемлемый факт-фактор-фактория человеческого бытия, вполне н-е-о-б-х-о-д-и-м-о ему присущая, как когда-то было необходимым лечебным актом в медицине кровопускание.

Да, необходимо присуща!

И вовсе не только из-за нехватки у кого-то жизненных ресурсов или того же жизненного пространства; не только из желания кого-то покорить себе подобного-неподобного и заставить себе служить, на себя работать; даже не только потому, что кто-то хочет быть, как ему кажется, независимым, свободным, а главное, самим по себе, как ему это «свое» представляется, — нет, не только, даже и не столько, ибо у войны есть еще и сакральное себя обоснование, причем не только в соревновательно-конкурентно-господско-рабских, как и суверенно-вассальских интенциях текущего человеческого бытия, но и в потенции самого бытия как такового, то бишь *самого по себе бытия* и *самой по себе войны*, в результате чего получается, что война, обосновываемая немало и надуманными, даже и фальшивыми обстоятельством-причинами, приходит в реальность так или иначе *сама* — САМА!, — хотят того в тот или в иной момент человеки или не хотят, значения

не имеет, ибо того хочет сама человечески-нечеловеческая реальность, как, собственно, хочется ей вдруг и той же революции вкупе с той же ожесточенной «гражданкой» тоже.

Вот и нынешняя войнушка, грозящая перерасти в глобальную войну, пришла не только по видимо-невидимым и называемо-скрываемым внешним обстоятельствам-причинам, но и по желанию самого бытия и самой бытийственной войны, ибо так решила Великая Неизвестность и так распорядилось Великое Иное: мир планетарный в ходе еще никому из смертных толком не известных, хоть и охотно-неохотно предвидимых и намечаемых *тектонических перемен*, да ладно бы в направлении нового справедливо-несправедливого устройства планетарного мира, а то ведь сам черт не знает чего, зачем, почему, с кем из акторов, в каком человеческом изобилии, на каких экзистент-условиях, в каком видимо-невидимом виде... о-о... может, вовсе и не переустройства, а глубинно-целостного *пере*... а вот какого-такого *пере* — ПЕРЕ! — пере-лице-вания, что ли, а-а? — от одного, так сказать, бытийно-исторического лица (лучше сказать, «морды-лица») к другому — да вот к какому?

Будущее (Не)Будущее

Впервые, пожалуй, человечество оказалось не просто перед неизвестным будущим, что всегда было и никого никогда особенно не смущало, даже, наоборот, заинтриговывало и подвигало к проектам и за них не пренебрегавшей кровопусканием борьбе, а вот теперь оказалось, что оно — будущее — мало что оказывается перед *неизвестным будущим*, так ведь еще и перед — вовсе не обязательно, что и реальной — *будущей неизвестностью* — НЕИЗВЕСТНОСТЬЮ! — и это в момент триумфа хозяйствующего на Земле человека с его почти-покорением природы, почти-освоением космоса, почти-переделом и самого человека — как раз как существа — из осознания природного животного в чипо-оцифрованную, пусть и все еще телесную, да, видно, уже иначе телесную матрицу, опять же в среде существенно сокращенной в числе массы землекосмосопользователей.

Что-о, не может такого быть?

Может или не может, кому как нравится, да вот попробуй-ка доказать, что не может, ну и обосновать то, что как бы и может, кроме, конечно, *конца* — КОНЦА! — да вот с новым началом иль уже без него, а ежели все-таки с началом, то тогда что же *этого*, кроме фантастически нечеловеческого, о сем начале сказать-то нынче можно, а-а?

Ах, этот Екклесиаст, со своим «все проходит», так ведь и *это* — ЭТО! — тоже может пройти, да так, что на его место уже может ничего, кроме *ничего* — НИЧЕГО! — и не прийти, — почему нет?

Ну да ладно, война-то, вполне и реальная, вовсю идет, и мир нынешний вовсю рушится, тоже вполне реально, ну и контуры будущего мира, как раз ближайшего, вроде бы у сильных-де мира сего проглядывают, а самое тут важное для нас — россиян, что Россия-РФ как раз в самый пекловый центр-очаг... э-э... *процесса* (пусть будет так — *процесса* — ПРОЦЕССА!) и ухнула, да не как лишь обозреватель, свидетель, прогнозист и проектант, и уж тем более не как вознесенный над международной бытийной суетой сакрализованный третейский судья, а более всего как непосредственный в войне и мировой суете участник, мало того — как объект и субъект сей войны, ее главная жертва и основной боец, как вполне себе растревоженный... нет, не как улей, конечно, хоть это и есть, а как сам себя и мир вокруг, да что вокруг, и в целостности тоже, сакральный *передельщик*!

Да, война сия необычна и странна, по-своему и загадочна, этакая война-ключ, война-спусковой крючок, да и попросту война-крючок. Вроде бы война РФ с Украиной (точнее, с Укранией — от «укров»); война Запада против России (который уже раз!), ну и России против Запада (тоже который уже раз!); с одной, как раз западной, стороны, война явно имперо-колониальная, господско-вассальная, с отчетливо геноцидным мотивом (антиэтнорусским!), а с другой, уже российской, стороны, война защитная, антизападоимперская, однако и от России-РФ имперо-наступательная, пусть, как уже бывало в российской истории, пока и какая-то невнятно-задумчивая, вялая, странная.

И что же в сей войне такого уж странного? Нет, не то, что тут очередной спор среди братьев-славян, даже не то, что меж евразийскими и прозападными славянами, а, пожалуй, то, что война идет вроде бы *за русский мир*, причем исторически обусловленный русский мир, а воюют в ней меж собой, пусть и наряду с этническими украинцами (и «украи» тоже), не кто иные, как *русские* (из России) и... *русские* (с Украины), что означает мало что родственное междуособье (как бы брат на брата!), да вовсе и не обычное гражданское, а, пожалуй что, чуть ли не межмировское (восточнорусское с прозападнорусским — раскол тут, стало быть, в русском мире!), так ведь еще война сия, то бишь и русское с обеих сторон кровопускание, идет не то чтобы *в интересах всего мира*, то уж *в залог всему миру* — точно!, отчего тут не так вовсе благородное самопожертвование русских (и русскими) земель на планете, как вовсе не

благородная, а вполне себе бездарная русская жертва общемировой, а вовсе не только, даже и не столько собственно западной *алчности*.

То, что Запад алчен, все в мире знают, как и то, что он, увы, развит и прогрессивен (нравится это кому-то или нет!), что тоже все в мире знают, а вот то, что *весь мир человеческий (от нулевого меридиана до нулевого) алчен*, не то чтобы не знают, но как-то не все придают, особенно в России-РФ, *этой* врожденной мировой алчности достаточного и вполне ею заслуженного значения.

«Из полымя да в полымя» — чем не Екклесиаст, а-а? И у нынешней России-РФ есть такой пламенный шанс — попасть из когтистых львиных атлантических и волчих западноевропейских лап в клыкастую пасть китайского дракона и того же исламского тигра, как и остается шанс выскочить из того и другого полымя полноценной Россией, но непременно обращенной к *самой себе*, а следственно и к *будущему* — БУДУЩЕМУ!, как раз шанс того, чего ожидает от России-РФ вовсе не занятое собой и только собой человечество, причем в лице не так народов, как рассеявшихся там и сям по человечеству хищных элит, а ожидает сам Господь Бог вкупе с Великой Неизвестностью и Великим Иным вовсе еще не покинувших и уж тем более не приговоривших Россию к исчезновению, однако без встречных в их сторону со стороны России-РФ ходов тут ничего у России-РФ не выйдет, а ходы сии должны быть у России-РФ вовсе не так в сторону от себя, а прежде всего, повторяем, *в сторону самой себя*, а это, как нетрудно в общем-то уяснить, как раз и всего труднее, ибо требуется кое-что мучительно-невозможное, а именно *преображение* — ПРЕОБРАЖЕНИЕ!, на которое и работает нынешняя война — да не навстречу войне лишь идти тут надо, ее насущным потребностям, а и, осознав сакральное значение этой *странной войны*, идти не так *к* войне, что надо делать и что здесь ничуть не оспаривается, а *от* войны — как раз *к России как России*, разумеется, не отгораживаясь от мира, даже не избегая и его западной, ныне явно враждебной для России-РФ, фракции: только *Россия как Россия* способна выстоять и повести за собой, причем *не за счет себя* — что ныне весьма возможно, да и то лишь желающих не только идти за Россией, но и быть *вместе с нею*, а много ли в зёмном мире таких вот явных и твердых сторонников России?

Бойся, Россия, сладких слов что с Запада, что с Востока, что с Юга, бойся!

Россия может рассчитывать *только* — ТОЛЬКО! — на *саму себя*, частично и в меру на попутчиков, да и то более вынужденных, чем добровольных, отчего и не очень постоянных, и не сильно верных, а совсем уж в порядке исключения может она рассчитывать на союзников, тоже ведь вынужденных, хотя, быть может, и более постоянных, но, увы, тоже не слишком верных, однако во всех случаях, как заметил бы проницательный Екклесиаст, с *непрерывной платой* со стороны, а не в сторону, России, по преимуществу и превышающей ценность попутчиковой и даже союзнической услуги. *Объедят, да еще и как объедят, разве лишь косточки оставят, да и то вряд ли — не оставят!*

Весь мир — осознанно и не совсем осознанно, даже и трансцендентно — совсем не против преодолеть свое нынешнее коллизийное (не)состояние за счет России, а складывающийся ныне под диктовку США *всемирный антироссийский фронт* — не шутки вовсе!, а с другой стороны, вроде бы намечающийся будто бы пророссийский... э-э... нет, не фронт, конечно, даже и не блок, да к тому же и не пророссийский вовсе, а всего лишь согласно уклончивым манерам и размытым намерениям гуртоправщиков как будто бы антизападный, так он, скорее... некий неоформленный конструкт, даже всего лишь попытка какого-то конструкта, что-то *такое* обещающая России в ее противоборстве с Западом, но при этом ничего из *такого* России особенно не сулящая. Вот и выходит: вложи себя в мир, Россия, отдай ему себя, впусти в себя мир, поделись с ним собою, тогда, может, и чем-то, вдруг, поможем, а вот стоит ли на самом деле и на длительное время помогать России... э-э... зависит от обстоятельств, среди которых на первом месте — мощь и экзистент-удача *самой России*, — и что интересно! — ***России как России!***

Не только Россия ждет на своих просторах Россию, но и весь так или иначе России сочувствующий, пусть и не без для себя какой-то выгоды, остальной мир, даже и не только России сочувствующий, а вполне ей и враждебный, он ведь тоже ждет, пусть и не без смешанной со страхом алчности, но таки... *ждет!*

Великая Россия!

И не по пространству лишь великая, не по ресурсам, не по материальному богатству, а по созидательной *для себя* мощи, как и по *своему проекту* прежде всего, а уж потом де по общемировому.

Мир со своим будущим уперся в Россию, а Россия... нет, не так уперлась в мир, а как... вот тут и загадка из загадок, ибо никак нельзя не упереться России

в мир, как и никак нельзя ей отстраниться от мира, а... а... остается лишь стать достойной, да не просто самой себя, а и своей, еще не очень-то ей и понятной *экзистенциально-исторической миссии*, для чего надо не только внутренне сконсолидироваться, не только, как было замечено выше, преобразиться, сблизившись с коренной Россией, но... уж «извиняйте, господа правители»... стать *гуманитарно иной*, обретя новую для себя и мира *собственную* (вроде ССБ — службы собственной безопасности) *гуманитарную идеологию* — вот она — *сверхзадача!*

Новая (Не)гуманитарность

Гуманитарность как гуманитарность, то бишь гуманитарность в европросвещенческом понимании с ее каким-никаким, пусть и во многом надуманным и немало оборотническим, *гуманизмом* и соответствующими ему идеологией, словом, искусством, философией, наукой, даже и религией (с тем же протестантизмом, да и не только), эта-то гуманитарность сегодня, как минимум — *в отмене*, хотя и не в полной мере по пространству людского бытия: *есть она, есть!*, разумеется, лишь на обочине главного ныне экзистенциального трека, а оттого есть она в реалиях не более чем островками, архипелагами, да и то как более всего архаизм, как сброшенные с мозгов свободного-де человека-де вериги и опрокинутая им в мусорную яму ненужность, лишь мешающая движению сего псевдочеловека вперед — в оцифрованную неизвестность, в бескрайнее киберпространство, постчеловеческую небыль, впрочем, может, совсем и не так, а аккурат и наоборот, ибо при сей безумно разогнавшейся гонке вперед «чек» окажется вдруг... нет, не на том же месте, где и был, а, уж извините... *в пустоте*, — попробуй, вражий друг мой, доказать что-нибудь обратное, как раз непустотное, когда никто из ныне отчаянно бегущих не знает, куда, зачем, да и почему он бежит, захваченный словно вихрем какой-то уже нечеловеческой, хоть и вызволенной на свет самим же человеком всесокрушающей, всем овладевающей и все поглощающей, вполне уже и дьявольской силой.

О какой же *новой гуманитарности* можно в таком разе говорить?

Обновленной, наверное, да и немало обновленной, а лучше бы сказать — о какой-то уже *иной гуманитарности*, а скорее всего — о *новой (не)гуманитарности*, о которой человек пока и помыслить не может, которая, однако, без споспешествования кризиса, беды, катастрофы, той же всесокрушающей войны, немало и гуманитарно-антигуманитарных, просто так на грешную землю не явится.

Вот он, настоящий-то уже призрак, надвигающийся на мир земный — *призрак нового (не)гуманитаризма*, такой нежеланный для нынешних оцифрованных прогрессистов, как и для соблазненных ими земных толп, однако все еще желанный для *все-еще-людей*, почти что уже и исчезнувших, правда, не более чем в Навь, причем, как ни странно, с возвратным в Явь билетом.

Здесь не благонамеренные утопические мечты, а самая обыкновенная констатация: *ничто из бытия-истории не исчезает бесследно*, не только сатанизм не исчезает, но и высокий гуманизм тоже, превращаясь не в полное ничто, а всего лишь в *ничто*женный осадок, дожидаящийся непрямого возрождения: так было, так есть, так и будет, ежели, конечно, что-нибудь из человеческого вообще на свете будет, отчего у нас и слоган своеобразный выше приведен — *«Новая (Не)гуманитарность»*, ибо новая-то новая, да вот гуманитарность ли или еще что, никому из смертных еще не известное, а ежели все-таки гуманитарность, пусть и новая, и пока совсем не известная, да вот какая же все-таки, а-а?

Переменная ныне эпоха: компьютеризированные ньюнеандерталы ведут наступление на гуманизованных археокроманьолов — факт! *Неонеандертальская революция!* И как всякая революция, она не достигнет вполне своих целей, хоть и перевернет земный мир и сделает его... *иным* — ИНЫМ!

Э-э, тут-то вот и явится спасение, ежели не случится конечного конца... как раз явится в чем-то *ином* — никому ныне не ведомом, то бишь не в том из возможного, не в другом, даже и не в третьем, а... ежели уж еще *не конечный конец* — не-КОНЕЦ! — то в единственно *на тот момент* возможном варианте, а пока — ТАЙНА!

Да, *тайна* — ТАЙНА!

А как же еще, коли вокруг Великая Неизвестность с потаенным Великим Иным, да София с тщательно запрятанной в себе Премудростью Божией, а уж Господь Бог... что Господь Бог? — у него ведь свои планы, включая и Страшный Суд с участием Христа, так что всякое ожидает человека (не)разумного, всякое, а потому, ежели говорить о все-еще-людях, то не так разум, как... нет, не только вера как вера, а... *стойкость*, подкрепляемая, помимо веры как веры, стоической на сей критический бытийно-исторический момент... э-э... *идеологией*, да-да — ИДЕОЛОГИЕЙ!, а лучше бы сказать, идеософией — ИДЕОСОФИЕЙ!.. а-а... догадался-таки пронизательный

читатель — *софиасофией* — СОФИАСОФИЕЙ!, то бишь с прямым обращением переживающего, чувствующего и мыслящего сознания к Софии Премудрости Божией ради поиска ответа на мучающие ныне все-еще-человека вопросы, которые он не находит готовенькими в затверженной памяти прошлого, а может найти, если повезет, только в вершащемся настоящем, завязывающим какое-то вроде бы моделируемое современниками будущее, пусть и не вполне ясное, и не до непрямого конца, но которое станет-таки *иным* — ИНЫМ!

Иной

Иной гуманитарий — одно, а вот *гуманитарный иной* — совсем другое, и ежели иной гуманитарий может быть любим, даже и сатаническим, по сути как раз антигуманитарным, вполне и зловредным, хоть и слыть за настоящего-де гуманитария вроде... э-э... не будем *фамиль-ярничать*, называя имена, то *гуманитарный иной*, он же и попросту ИНОЙ, не может не быть *софиасофически иным*, что... нет, не открывает ему последней (и первой тоже!) мирозданческой Тайны, но позволяет быть рядом с Тайной, да не как тупая движимая недвижимость, а как доверительный с Тайной... э-э... *немотный собеседник*, а лучше сказать — как ее *вдумчивый стяжатель*: не знает ничего и хорошо знает, что ничего не знает, но, не зная ничего *этого*, он все-таки знает... а что же?.. э-э... как раз *иное*, как раз *неизвестное иное*, но зато при этом и *иное неизвестное*, как раз то самое, что в силу своего творческого контакта с софиасофским гуманитарием *не то что становящееся ему известным, но уже не остающееся для него всего лишь terra incognita*.

Наивная, конечно, вполне и глупая, тут диалектика, но зато какую же силу животворную она придает стяжавшему ее землянину — силу не обывателя и не мечтателя, не проектанта и даже не самоупоенного творца, а силу *идушего* и *входящего* — куда же? — как раз в *Иное*, однако уже не более чем *как бы* неизвестное и при этом, уже и *не как бы* известное, то бишь — *свое* — СВОЕ!

Да-а, гуманитарный иной, вольно или невольно становящийся иным гуманитарием среди тьмы самодовольных гуманитариев, что не позволяет ему, ставящемуся в момент ощущения и обретения Иного, точнее бы сказать, прикосновения и приобщения к Иному, уже быть не собственно гуманитарием, а заставляет быть-небыть попросту *Иным* — ИНЫМ!, что ни хорошо и ни плохо, а что всего лишь... как бы это сказать... не слишком забавно что ли — как по причине вдруг иначе осознаваемой им той же гуманитарной-де реальности-ирреальности, вовсе на деле не такой, какой обыкновенно кажется

(старается казаться!), не говоря уж о самих гуманитариях, тоже ведь старателей от кажимости, так и вследствие непременно приходящего к гуманитарному иному и его старательно обволакивающего вольно-принудительного *отшельничества*, может, по-своему и себялюбивого и гордого — да что толку... впрочем... толк тут кое-какой есть, конечно, не явный, не тутошний, не бросающийся в глаза, примерно такой же, как и толк от никому толком не известной и старательно обходимой гуманитариями-старателями исходной, глубинной, коренной, «навской» России — как раз *России как России*, той самой России, которая — *сама отшельница* — держит на гуманитарном, немало и псевдогуманитарном плаву своего избранника — *гуманитарного иного*, да мало что держит, но и воспринимает, допуская малое от него смыслоизлучение в свое большое, безбрежное, бесконечное, не то что не давая покоя отрицателям и незамечателям России как России, но и... что скрывать!.. погубляя раз за разом своих несчастных по гамбургскому счету погубителей, и вовсе не потому, что Россия сия так уж зла и мстительна, нет, всего лишь потому, что причастна она *Иному миру*, который и впрямь ничего и никому не прощает, будучи причастным и впрямь беспощадной *Великой Неизвестности*: и хотя *как бы нет* в *этом мире* России как России, а она, *вовсе и не как бы*, все-таки *есть*, разумеется, как нечто-ничто *иномирное*, им — *иным миром* — и хранимая, да не просто она есть, а и покоя не дает не одним лишь гуманитариям-легионерам и даже не одной лишь самозванно и самозабвенно прикрывающей ее той или иной текущей псевдо-России, а, увы, и всему *этому миру*, что нынче в мировой практике как раз вполне отчетливо и происходит, да так, что мало уже кому на грешной Земле и кажется!

Итак, *гуманитарный иной* в России, он же и попросту *Иной*, сходящийся во вполне себе страдном и даже страдательном единении с *сакральным Иным*, а вместе с этим и с *сакральной Россией*, как, собственно, и наоборот: сходящийся сначала с *сакральной Россией*, а затем и с *сакральным Иным* — это уж как у кого (у кого, правда?) получается.

Поначалу безусловный гуманитарий, по-европейски (следственно, и по-масонски) образованный, вполне и международного пошиба профессионал, не без проблем, но находящий общий язык с такими же, как и он, заграничными гуманитариями (тоже по-европейски и по-масонски образованными), участвующий в международных контактах, форумах, изданиях, достигающий даже международной известности, правда, обыкновенно почему-то не в очень-то руссо-российском себя как гуманитарии исполнении, ибо там, за границей,

сие исполнение почему-то не очень приветствуется и нарочито не замечается... пфу-у!.. зачем им *там* что-то *этакое* — из руссо-российского, даже не из экзотического, а так... из архаического и как бы небытийного, да и что, собственно, российские по принадлежности к стране-России гуманитарии, кроме редких единиц, могут выказать такого уж руссо-российского, да еще и за рубежом, в настоящем-де интеллект-сообществе — неуместно, невежливо, да и стыдно как-то?! Да что за рубежом, сие отчебучить и в своей-то стране неудобно, глупо и никому не впрок, впрочем, слава богу, и отчебучить-то бывает *нечего* и *некому*!

Судьба

Ежели подпевалой в общем с «умной заграницей» псевдогуманитарном хоре, то ни о какой-такой особой судьбе и заикаться не надобно, а ежели о собственном вдруг пении, да еще и не по выверенной международной партитуре, а по вольному зову России как России, вдруг зазевавшимся словно Иван-дурак гуманитарием внезапно почуемом и им... *принятом!*, то, да-а, тут уж и впрямь судьба, она же и судьбина, да мало что сойтись с незамечаемой, непонимаемой и невоспринимаемой сакральной *Россией как Россией*, так еще и с еще более незамечаемым, непонимаемым и невоспринимаемым *сакральным Иным*, да что сойтись, и самому стать, уже и пост- (или за-)гуманитарным (уже не в обычном понимании из расхожей гуманитарщины), *иным* — ИНЫМ!, не подлежа за это сколько-нибудь значимому официозному и в особенности «коллежскому» признанию, хоть и быть при этом трижды, пятижды, бесконечно «ижды» правым... ну и что, подумаешь, можно оказаться... нет, не правым вовсе, а попросту неединожды... э-э... отвергнутым (если не проклятым), ибо не в стае же, не в куче, не в толпе, а правы-то бывают всегда стая, куча, толпа, что и полезно любому начинающему гуманитарию зарубливать на своем еще не шибко ученом, но уже задранном вверх самодовольном носу, что он вольно или невольно по обыкновению и делает.

До каких же пор *так* будет?

А кто ж *это* знает, кроме... сами знаете, господа-товарищи, кто же *этакое* на самом деле знает... нет, не Время вовсе, которое будто бы эмерджентно возьмется и поставит вдруг все на место, нет, это сделает... Вечность... и сделает все как надо... как раз в Конце Времени, уже вовсе не деликатно постукивающим в воротá Времени, а вполне себе нахраписто в них бьющем, а сроки, что сроки? — они *в срок* и подтянутся!

После-вестие

Как ни прокручивай в своей утлой голове вожделенный Запад, как ни поругивай выпретенную Европу, однако цивилизации тамошней не откажешь в довольно-таки терпимом, если не в уважительном, пусть и не без исключений, отношении к своим из ряда вон выбивающимся гуманитариям, не исключая и всамделешных Иных, разумеется, не шибко, быть может, нося их на руках, но и не подвергая непременно огульному игнорированию, бездóводному отвержению и нарочитому забвению. Что есть, то есть!

А у нас на благословенной родине всё как-то... нет, конечно, не совсем уж наоборот, но и... совсем как-то не так: и ежели не в отчуждении, гоне и забвении своих Иных, то уж не в искреннем их признании как уникальных творцов и не в убедительном уважении их как достойных сынов нации... нет, да и вовсе не в публичном почёте тут дело, чего истинному гуманитария и не надо, а всего лишь в... учёте, да-да, в самом что ни на есть обыкновенном учёте — по жизни, хозяйству, творению, ну и по правлению тоже, всего ими — гуманитарными Иными — выстраданного, ан-нет, у нас как-то всё не так да не так. Какого-нибудь западного Иного, да и восточного тоже, обязательно заметим, признаем и возвысим, ещё и признательно перед ним склонимся, а вот своему... э-э... он же свой, так зачем же его ни с того, ни с сего признавать да ещё и ему кланяться, какому-то там самозванному гуманитарному Иному, да ещё и впрямь по сути российскому, да ещё и сингулярному по своей гуманитарной исторической значимости — этого ещё не хватало в мириадном стане самодовольных знатоков всего воистину де ценного — что западного, что восточного?!

Так вот и живём, с нескрываемом влечением озираясь по чужим сторонам и нежно любя сии очаровывающие с ходу и по ходу стороны, совсем не взирая на свою собственную замшелую-де сторонку, не любя её вовсе, а то и презирая — из века в век!

Что ж, может, тут и в самом деле судьба, некий предположенный неизлечимый рок, как и сама сакральная правда, может, и впрямь так и надо — почему нет, коли уж из века в век? Да вот как-то страдно-страдательно всё получается, жертвенно, кровависто и мертвенно, да ладно бы по личному судьбинному треку гуманитарных Иных, а то ведь и всей страны тоже, отчего не хватит ли всё-таки обольщаться иными сторонами, не пора ли, братья, к своей сторонке оборотиться, в нашем случае, разумеется, ино-гуманитарной?!